

**НОВЫЙ
ЛИБЕРТАРНЫЙ
МАНИФЕСТ**

Сэмюэль Эдвард Конкин Третий

Annotation

Агорический манифест Конкина. Агоризм, возможно, лучше всего определяется как идеология, полагающая рынок лучшим, самым практичным и единственно приемлемым средством социальных изменений. Целью агоризма является полное упразднение государства, а не просто его уменьшение. Таким образом он является революционной формой либертарианства. Метод агорической революции является радикальным в том смысле, что предполагает борьбу с системой снаружи, а не привлечение либеральных средств борьбы или постепенного реформирования системы изнутри. С точки зрения агористов такие либеральные средства являются непрактичными или даже недопустимыми. Свою стратегию рекламы агоризма через организацию либертарных предпринимателей Конкин назвал «новым либертарианством».

-
- [Предисловие к первому изданию](#)
- [Предисловие ко второму изданию](#)
- [Предисловие к четвёртому изданию](#)
- [Предисловие к первому русскому изданию](#)
- [Глава 1. Государственность. Наше положение.](#)
- [Глава 2. Агоризм. Наша цель.](#)
- [Глава 3. Контрэкономика. Наши средства.](#)
- [Глава 4. Революция. Наша стратегия](#)
 -
 - [Нулевой этап: Нулевая плотность агорического общества](#)
 - [Первый этап: Низкая плотность агорического общества](#)
 - [Второй этап: Средняя плотность, малая конденсация агорического общества.](#)
 - [Третий этап: высокая плотность, большая конденсация агорического общества](#)
 - [Четвёртый этап: Агорическое общество с этатистскими примесями](#)
- [Глава 5. Активность! Наша тактика.](#)
- [notes](#)
 -
 -

-
-
-
-
-
-
-

Сэмюэль Эдвард Конкин Третий
8 июля 1947 – 23 февраля 2004

Посвящается Крису Р. Тэйму, который посоветовал мне
заняться написанием.

Прежде всего, автор благодарит
Людвига фон Мизеса,
Мюррея Ротбарда,
Роберта Лефевра
и их предшественников.

Предисловие к первому изданию

Новое либертарианство в общих чертах возникло во время моей борьбы с Либертарной Партией, в ходе её формирования в 1973 году, а в феврале 1974 года, на Форуме свободного предпринимательства (Free Enterprise Forum) в Лос-Анджелесе, широкой публике были впервые представлены тезисы контрэкономики. С тех пор идеи нового либертарианства распространялись как внутри либертарного движения, так и за его пределами, а также через либертарные издания, среди которых прежде всего стоит отметить журнал *New Libertarian*.

Более того, активистской деятельностью, предлагаемой данным «Манифестом» (в частности, контрэкономикой), автор и его ближайшие сподвижники занимаются с 1975 года. Уже построено и перестроено не одно «анархопоселение» новых либертарианцев.

Вам никогда не хотелось прочесть манифест, которому сначала следуют, и только потом проповедуют? Я захотел.

И сделал.

Сэмюэль Эдвард Конкин Третий

Октябрь 1980 г.

Предисловие ко второму изданию

Самая справедливая оценка агорической публикации – это оценка, данная свободным рынком. Как и следовало ожидать, первое издание «Нового либертарного манифеста» было полностью распродано, а второе издание, за которое взялся новоиспечённый предприниматель с целью извлечь прибыль из своей идеологии, перед тобой, читатель. К моему приятному удивлению, рынок решил, что «НЛМ» – самая удачная из моих публикаций.

Если говорить об идеях, то два года – срок довольно короткий. Тем не менее, в левоцентристской либертарной литературе на «Манифест» уже начались нападки. Например, всего лишь месяц назад бюллетень одной студенческой организации обвинил своих недисциплинированных товарищей в переходе на сторону «этого отщепенца Конкина». Очерки и статьи о контрэкономике и агоризме всё чаще и чаще появляются в левых (или, лучше сказать, не-агорических) либертарных изданиях.

По-настоящему вселяет оптимизм появление большого числа контрэкономических предпринимателей в Южной Калифорнии (а также некоторого количества в остальной Северной Америке и даже в Европе), которые пользуются «Манифестом» и распространяют его. В промежутке между публикациями первых двух изданий манифеста, в округе Ориндж постепенно собрался агорический «промышленный парк».

Автор не упивается праздно этим нескончаемым наслаждением. Оно вдохновило его продолжить диалог в двух номерах теоретического журнала, основанного на «НЛМ», написать «Контрэкономику» (см. [сноску](#)) и задумать теоретический *magnum opus*, такой, каким был «Капитал» по отношению к «Манифесту Коммунистической Партии», и который, конечно же, назывался бы «Агоризм».

Что же касается продолжения и расширения той деятельности, которую я проповедую, то я добавлю к последней строчке первого предисловия...

«И до сих пор делаю».

Сэмюэль Эдвард Конкин Третий

Февраль 1983 г.

Предисловие к четвёртому изданию

Как предлагал Сэмюэль Эдвард Конкин Третий, вместо обновления «Манифеста» новыми примечаниями, мы публикуем его как есть, в качестве исторического фрагмента живой теории, которая продолжает расти по сей день. Однако, были исправлены некоторые опечатки и внесены незначительные редакторские правки для улучшения ясности изложения. Мистер Конкин присоединился к великим анархистам на небесах 23 февраля 2004 года, после чересчур короткой жизни, состоявшей из теоретических и практических экспериментов, путешествий по миру с целью донесения идей агоризма и нового либертарианства жаждающим слушателям.

Спустя двадцать пять лет после выхода в свет «Манифест» всё ещё хорошо продаётся. Настоящее издание, печатаемое по требованию и доступное по всему миру, должно продолжить тенденцию.

С падением коллективизма по всему миру – случившимся в том числе из-за экономических и моральных последствий таких систем – анализ мистера Конкина продолжает поражать точностью. Возможно, «Новый либертарный манифест» сейчас более актуален, чем когда-либо. В СССР этатизм задохнулся и умер. ООН, как попытка создания мирового правительства, становится беззубой и бессильной. Будут ли жители мира продолжать эту тенденцию или нам понадобится космическая крепость для перехода на следующий эволюционный этап человеческой деятельности?

Контакт с Движением Либертарных Левых доступен через сайт agorism.info, а все прошлые выпуски «новых либертарных» публикаций доступны в KoPubCo на сайте kopubco.com.

Виктор Коман, издатель

Март 2006 г.

Предисловие к первому русскому изданию

Я безумно счастлив представить вам первое издание «Нового либертарного манифеста» на русском языке. Ведь это означает распространение идей агоризма на новом рынке и продвижение нашей деятельности к новому эволюционному этапу – приближение свободного общества ещё на один шаг. Разумеется, на новом этапе требуется новая последовательная стратегия. Здесь не вполне подходящее место для изложения всех моих идей по этому поводу, но наиболее важными аспектами в данный момент представляются борьба с антипринципами (особенно с градуализмом и партократией) и привлечение новых сторонников в либертарное движение вместе с радикализацией движения. При этом очень желательно соблюдать минимальные меры предосторожности, чтобы не стать жертвами массовых репрессий, которые при откровенно фашистских режимах вполне возможны.

Мне, по большому счёту, нечего прибавить к тексту, написанному Сэмюэлем Эдвардом Конкиным Третьим, он достаточно хорошо говорит за себя сам. Это текст, который, на мой взгляд, необходимо прочитать каждому либертарному активисту. Поэтому просто наслаждайтесь чтением и боритесь за свою свободу последовательными и эффективными методами.

Контакт с людьми и сообществами, являющимися в Восточной Европе, Сибири и на Дальнем Востоке аналогом или предшественником Движения Либертарных Левых, может быть установлен, прежде всего, с помощью интернета. Многие мыслящие либертарно товарищи имеют странички в различных социальных сетях, блоги, а также создают свои персональные и групповые сайты и порталы (из которых, пожалуй, в данный момент стоит отметить ru.libertarianleft.org, anarhist.org, inlib.org, activist.la). Хотя не стоит упускать из виду и существующие либертарные организации, если таковые имеются в вашей местности. Настоящее издание и, вероятно, дальнейшие публикации по теме, надеюсь, всегда будут доступны на виртуальном прилавке Либертарного Минимаркета liberty4.me и в сетевых библиотеках.

Иван Бурбаков, контрэкономист
Апрель 2012 г.

Глава 1. Государственность. Наше положение.

Мы находимся под принуждением таких же человеческих существ, как и мы. Поскольку у них есть возможность избежать этого, мы тоже не обязаны оставаться в таком положении. Принуждение аморально, неэффективно и не является необходимым для человеческой жизни и достижения целей. Те, кто предпочитает бездействовать, в то время как на них паразитируют их соседи, свободны в своём выборе. Этот манифест для тех, кто выбрал другое – оказывать сопротивление.

Чтобы сражаться с принуждением, его нужно понять. Более того: то, *за что* идёт борьба, надо понимать так же хорошо как и то, *против чего* она идёт. Если ограничиваться только слепым реагированием на угнетение, то силы расходятся в разные стороны и растрачиваются неэффективно. Преследование же общей цели собирает противников вместе и позволяет сформировать согласованную стратегию и тактику.

С неорганизованным принуждением лучше всего справится непосредственная местная самооборона. И хотя рынок может создать крупномасштабные коммерческие предприятия, занимающиеся охраной и возмещением ущерба, со случайными угрозами насилия можно иметь дело только прямо на месте, разбираясь *с каждым конкретным случаем*^[1].

Организованное принуждение требует организованного противодействия (многие мыслители уже много раз приводили превосходные аргументы в пользу того, что такая организация должна оставаться не больше чем скелетной структурой, которая бы обростала плотью только в случае фактического противостояния, для того, чтобы предотвратить перерождение защитников в институт агрессии). Институциональное принуждение, развивавшееся в течение тысячелетий и пустившее корни мистицизма и иллюзий, глубоко вросшие в сознание жертв, требует грандиозной стратегии и катастрофического момента исторической сингулярности – революции.

Такой институт принуждения, централизующий безнравственность, управляющий грабежом и убийством, координирующий угнетение в масштабах, немислимых для обычной преступности, существует. Это банда банд, мафия мафий, заговор заговоров. За последние несколько лет он уничтожил больше людей, чем все бедствия прошлого. За последние

несколько лет он украл больше материальных ценностей, чем было произведено за всю предшествующую историю. В течение последних нескольких лет ради собственного выживания он ввёл в заблуждение больше умов, чем вся иррациональность предшествующей истории. Это наш враг – государство[2].

Только в одном XX веке в войнах погибло больше людей, чем от любых бедствий в прошлом; налоги и инфляция украли больше материальных ценностей, чем производилось в прошлые века, а политическая ложь, пропаганда и, прежде всего, «образование» запутали больше умов, чем все суеверия, бытовавшие прежде. И всё же, несмотря на все преднамеренно созданные заблуждения и искажения фактов, в нити разума вплелись волокна сопротивления, из которых будет свита петля для государства – либертарианство.

Там, где государство разделяет и властвует, его противоположность, либертарианство, объединяет и освобождает. Где государство вносит путаницу, либертарианство вносит ясность; где государство скрывает, либертарианство выводит на чистую воду; где государство прощает, либертарианство обвиняет.

Вся философия либертарианства исходит из одного простого принципа: инициируемое насилие или угроза насилием (принуждение) неправильно (аморально, пагубно, плохо, совершенно непрактично, и т. п.) и недопустимо. Но ничего более[3].

Либертарианством, развивавшимся до настоящего времени, была обнаружена проблема и определено решение: государство против рынка. Рынок – это сумма всей *добровольной* человеческой деятельности[4]. Если человек действует, не принуждая других, то он является частью рынка. Таким образом экономика стала частью либертарианства.

Либертарианство исследовало природу человека, чтобы объяснить его права, вытекающие из принципа отрицания принуждения. Из этого принципа непосредственно следует, что человек (женщина, ребёнок, марсианин) имеет абсолютные права на свою жизнь и другую собственность – и никаких прав на чужую жизнь или собственность. Таким образом объективная философия стала частью либертарианства.

Либертарианство поставило вопрос: почему человеческое общество на данный момент не является либертарным, а обрело государство, его правящий класс, его уловки. И доблестные историки прилагают усилия, чтобы открыть истину. Таким образом исторический ревизионизм стал частью либертарианства.

Психология, особенно разработанная Томасом Сасом как

контрпсихология, была горячо принята либертариями, желающими освободить себя не только от оков государства, но и от самозаточения. В поисках вида искусства для выражения ужасающего потенциала государства и представления множества перспектив свободы, либертарианство обнаружило, что этим уже занимается фантастика.

В сферах политики, экономики, философии, психологии, истории и искусства поборники свободы узрели нечто целое, соединяющее их сопротивление с другими, и, как только к ним пришло осознание этого, они объединились. Так либертарии превратились в движение.

Осмотревшись, либертарное движение обнаружило проблему. Всюду наш враг, государство: в океанских глубинах, на военных базах в пустыне, на далёкой поверхности луны, в каждой стране, народе, племени, нации, и... в каждом индивидуальном сознании.

Кто-то искал немедленного союза с другими противниками правящей элиты для свержения нынешних правителей государства[5]. Кто-то стремился к немедленной конфронтации с представителями государства[6]. Кто-то гнался за сотрудничеством с людьми у власти, которые предлагали меньшее угнетение в обмен на голоса избирателей[7]. Кто-то углубился в долгосрочное просвещение населения, чтобы построить и развить движение[8]. Повсюду возникали либертарные альянсы активистов[9].

Государственные элиты не собирались уступать награбленное и возвращать собственность своим жертвам при первых признаках сопротивления. Их первая контратака использовала антипринципы, уже внедрённые испорченной кастой интеллектуалов: пораженчество, трусость, минархизм, коллаборационизм, градуализм, моноцентризм и реформизм – включая занятие государственных постов с целью «улучшения» государственничества! Все эти антипринципы (отклонения, ереси, саморазрушительные противоречивые догмы, и т. п.) будут разобраны позже. Худшая из них всех – партократия, антиконцепция осуществления либертарных целей государственными методами, в частности – посредством политических партий.

«Либертарная» партия была второй развязанной против едва оперившихся либертариев контратакой государства. Сначала она воспринималась как абсурдный оксюморон[10], затем стала армией оккупантов[11].

Третьей контратакой стала попытка купить основные либертарные учреждения (не только партию), предпринятая одним из десяти самых богатых капиталистов в Соединённых Штатах, чтобы управлять движением так же, как другие плутократы управляют всеми другими политическими

партиями в капиталистических государствах[12].

Эти государственнические контратаки с целью разложить либертарианство привели к отколу «левой» части движения и безнадёжному параличу других. По мере того, как нарастало разочарование «либертарианством», разочарованные стали искать решения этой новой проблемы, как с государством, так и без него. Как не оказаться марионеткой в руках государства и его правящей элиты? То есть, спросили они, как нам избежать отклонений от пути к свободе, когда мы знаем, что есть больше чем один путь? Рынок имеет много путей к производству и потреблению товара, и ни один не является точно предсказуемым. Так что даже если кто-то и говорит нам, как перейти из нынешнего положения (государственности) к цели (свободе), откуда нам знать, что *это* наилучший путь?

Некоторые уже начали эксгумировать старые стратегии давно умерших движений, движений с другими целями. И новые пути, конечно, тоже предлагаются – вернуться назад к государству[13].

Предательство, спонтанное или запланированное, продолжается, чего быть не должно.

Хотя никто не может предсказать последовательность шагов, которые безошибочно приведут к достижению свободного общества для сознательных индивидов, можно устранить одним махом все те, которые не будут способствовать прогрессу свободы, а неуклонное применение принципов рынка наметит территорию для продвижения. Без сомнения, не существует «единственно верного пути», одной прямой линии к свободе. Но есть множество линий, пространство, полное линий, которые приведут либертария к его цели – свободному обществу. И это пространство можно описать.

Когда цель поставлена и путь обнаружен, необходима лишь человеческая активность для перехода отсюда туда. Прежде всего, этот манифест призывает к такой активности[14].

Глава 2. Агоризм. Наша цель.

Основной принцип, ведущий либертария от государственничества (этатизма) к свободному обществу, точно такой же, каким пользовались основатели либертарианства для построения самой теории. Этим принципом является *последовательность*. То есть, последовательное применение либертарной теории к каждому действию, предпринимаемому каждым конкретным либертарием, создаёт либертарное общество.

Многие мыслители указывали на необходимость совместимости средств и целей, и не все они были либертариями. Как ни странно, многие государственники жаловались на *непоследовательность* между достойными одобрения целями и вызывающими презрение средствами. Тем не менее, когда их истинные цели увеличения власти и угнетения стали понятны, их средства оказались вполне последовательными. Запутывание необходимости соответствия целей и средств является частью этатистской мистики. Поэтому выявление несоответствий есть наиболее важный аспект деятельности либертарного теоретика. У многих теоретиков это получалось восхитительно, однако некоторые пытались, но не сумели описать последовательную комбинацию средств и целей либертарианства[15].

Этот же принцип позволяет определить, верен или нет настоящий манифест сам по себе. Без последовательности всё теряет смысл. Фактически, язык тогда будет тарабарщиной, а существование – обманом.

Этот аспект невозможно переоценить. Если на этих страницах будет обнаружено противоречие, то *новым либертарианством будет логически последовательная переформулировка*, а не то, в чём была найдена ошибка. Новое либертарианство (агоризм) *невозможно дискредитировать*, не дискредитировав свободу или реальность (или обе сразу), возможна только неточная формулировка.

Давайте начнём со взгляда на нашу цель. Как выглядит свободное общество, по крайней мере, свободное настолько, насколько мы надеемся добиться в соответствии с нашим сегодняшним пониманием[16]?

Несомненно, самое свободное общество из тех, что когда-либо возникали в воображении человека – это общество Роберта Лефевра. Все отношения между людьми сводятся к операциям добровольного обмена, свободному рынку. Никто никому не вредит и не наносит ущерб каким бы то ни было образом.

Конечно, для создания такого общества, из сознания индивида необходимо стереть не только этатизм. Из всего, что может принести ущерб, наибольшую опасность для этого абсолютно свободного общества представляет отсутствие в нём механизма коррекции[17]. Стоит появиться лишь горстке приверженцев принуждения, наслаждающейся награбленным в окружении достаточного числа сторонников, – и свобода мертва. Даже если все живут свободно, одно-единственное «вкушение запретного плода», один шаг назад – воспроизведение старой истории или самостоятельное возрождение зла – лишит идеальное общество свободы.

Самым близким по безупречности к свободному обществу является либертарное общество. Вечная бдительность – цена свободы, как говорил Томас Джефферсон, и на рынке возможно существование небольшого числа лиц, готовых предоставить защиту от единичных случаев агрессии. Или же большое количество людей может иметь достаточные знания по основам самообороны и умение использовать эти знания, чтобы предотвращать случайные нападения (при полном незнании нападающего о том, кто может оказаться хорошо осведомлённым в вопросах обороны) и ликвидировать прибыльность систематической инициации насилия.

Тем не менее, в подобной системе «анархии со спонтанной защитой» остаются две серьёзные проблемы. Первая – проблема защиты тех, кто явно беззащитен. Эта проблема с помощью передовых технологий может быть сведена к защите полностью парализованных людей, умственно отсталых (предполагая, что в *этих случаях* для её решения не будет достаточных технологий) и совсем маленьких детей, которые в любом случае требуют постоянного внимания. Затем есть те, кто временно становится беззащитен, и ещё более редкие случаи тех, кого «доканали» инициаторы насилия, желающие проверить свои способности в отношении вероятно более слабого противника (последний является самым редким случаем просто из-за высокого риска и низкой материальной отдачи от затраченных усилий).

Те, кого не нужно и не следует защищать – это пацифисты, те, кто сознательно выбрал быть незащищённым. Лефевру и его последователям никогда не нужно бояться того, что какие-то либертарианцы начнут использовать для их защиты методы, которые они находят неприемлемыми (возможно, им стоит носить значки с голубем, чтобы их было можно было проще и быстрее узнавать?)

Гораздо более важным является вопрос, что делать с инициатором насилия после защиты. Сразу приходит на ум пример, когда насилие совершено в отношении чьего-либо имущества, а хозяина не было

поблизости и он не мог его защитить. И, наконец – хотя, на самом деле, это частный случай ситуации, описанной выше – есть вероятность мошенничества и других форм нарушения договоров[18].

Такие ситуации могут быть разрешены путём примитивной «дуэли» или общественным воздействием – то есть, путём вмешательства третьей стороны, у которой нет материальной заинтересованности в любой из двух сторон спора. Этот вопрос является основной проблемой общества[19].

Любые попытки навязать решение против воли обеих сторон нарушают либертарный принцип. Так что «дуэль», не несущая никакого риска для третьих лиц, приемлема, но вряд ли материально выгодна и эффективна. Она даже не рассматривается никем как цивилизованное (то есть эстетически приятное) решение – кроме некоторых сектантов.

Для принятия решения в таком случае требуется судья, «справедливый свидетель» или арбитр (третейский судья). После того, как арбитр в споре или судья в деле об агрессии вынес приговор и сообщил сторонам о своём решении, могут потребоваться некоторые меры по обеспечению его выполнения (пацифисты, кстати, могут выбирать арбитраж без каких-либо принудительных мер).

Следующая рыночная система была предложена Ротбардом, Линдой и Моррисом Таннехилл и другими. Она не является окончательной, и может быть улучшена за счёт достижений в теории и технологии (как уже было сделано автором этих строк). На данном историческом этапе она представляется оптимальной и приведена здесь в качестве начальной рабочей модели.

В первую очередь, каждый, не считая тех, кто предпочитает в этом не участвовать, боится себя от агрессии или кражи. Можно даже определить цену своей жизни на случай убийства (или ненамеренного причинения смерти), которая может варьироваться от жизни инициатора насилия, взятия трансплантируемых органов (если технология позволяет) для восстановления жизни жертвы до денежного вклада в благотворительный фонд, способствующий продолжению незавершённых дел погибшего. Здесь важно то, что жертва определяет цену своей жизни, тела и имущества до того, как произошёл инцидент (ущерб имуществу, подлежащего товарообмену, может быть просто возмещён в соответствии с рыночным курсом; см. ниже).

Некто А обнаружил, что пропала его собственность, и доложил об этом в страховую компанию IA. Компания IA проводит расследование (с помощью специального отдела или отдельного сыскного агентства D). При этом IA безотлагательно предоставляет А замену недостающей вещи таким

образом, чтобы свести к минимуму потерю возможности пользоваться благом[20]. В то же время агентство D может не обнаружить пропавшей собственности. В этом случае ущерб страховой компании IA будет покрыт за счёт страховых взносов клиентов. Заметьте, что для того, чтобы не повышать страховые взносы и держать их на уровне конкурентов, у компании IA есть сильная мотивация для максимального увеличения шансов возврата украденных или потерянных вещей (можно красноречиво написать не один том на тему отсутствия подобной мотивации у монопольной системы сыска, каковой является государственная полиция, и её ужасающей стоимости для общества).

Если агентство D обнаружило пропавшие вещи, скажем, у B, и B добровольно их возвращает (возможно, побуждаемый вознаграждением), то дело закрыто. Только в том случае, когда B заявляет о собственности на тот объект, на который претендует A, возникает конфликт.

B нанимает страховую компанию IB, которая может провести своё собственное независимое расследование и убедить IA, что агентство D ошиблось. Если это сделать не удалось, то теперь IA и IB находятся в состоянии конфликта. На этом месте против рыночной анархии выдвигаются стандартные критические аргументы о том, что «война» между A и B разрослась до масштаба, включающего крупные страховые компании, которые, в свою очередь, могут иметь свои подразделения охраны значительной численности или контракты с охранными компаниями (PA и PB). Но есть ли у страховых компаний IA и IB стимул прибегать к насилию и уничтожать не только активы конкурента, но и, конечно же, по крайней мере какую-то часть своих собственных? В устоявшемся в течение долгого времени рыночном обществе стимулов у них ещё меньше. Специалисты компаний заняты защитой, в которую также вложен их капитал. Любая компания, инвестирующая в *нападение*, будет выглядеть довольно сомнительной и непременно потеряет клиентов в преимущественно либертарном обществе (которое является предметом нашего обсуждения).

Очень дёшево и выгодно, IA и IB могут просто заплатить арбитражной компании, чтобы урегулировать спор, представив каждая свои претензии и доказательства. Если требование B правомерно, то IA откажется от иска, взяв на себя небольшой убыток (по сравнению с войной!), и у неё будет отличный стимул для улучшения своей практики расследований. Если же правомерно требование A, то будет справедливо обратное утверждение об IB.

Только тогда, когда суть дела была полностью оспорена, исследована и

рассужена, а В *всё ещё* отказывается уступить похищенное имущество, произойдёт насилие (до сего момента В, возможно, был побеспокоен лишь уведомлением о защите компанией IB его интересов, и, возможно, даже предпочёл оставить его без внимания; никакого требования куда-либо явиться или дать какие-либо показания не может быть предъявлено до вынесения приговора). Но РВ и IB отходят в сторону и В должен теперь предстать перед квалифицированной, эффективной группой специалистов по возврату похищенного имущества. Даже если В в этот момент близок к сумасшествию в своём сопротивлении, он, вероятно, будет нейтрализован с минимальной суетой рыночным агентством, стремящимся к положительному образу в глазах населения и увеличению числа клиентов – в числе которых однажды может оказаться и сам В. Прежде всего, РА должна действовать так, чтобы не пострадали посторонние и не был нанесён ущерб *чьей-либо ещё* собственности.

В или IB теперь несёт ответственность за *восстановление*. Его можно разделить на три составляющих: компенсация, временное предпочтение и издержки.

Компенсация – это возврат исходного имущества или его рыночного эквивалента. Это понятие также может быть применено к частям человеческого тела или к цене, установленной на чью-либо жизнь.

Временное предпочтение – это компенсация убытков из-за невозможности использовать собственность в течении некоторого времени, и её объём легко определяется по преобладающей на рынке ставке процентов, которые IA пришлось потратить, чтобы немедленно восстановить собственность А.

Издержки – это сумма расходов на следствие, розыск, арбитраж и исполнение решения. Обратите внимание, как хорошо работает рынок, чтобы дать В высокий стимул к быстрому возврату украденного имущества, чтобы уменьшить издержки (полная противоположность большинству государственных систем) и свести к минимуму начисленные проценты.

Наконец, отметим все «встроенные» стимулы для быстрого и эффективного отправления правосудия и восстановления с минимумом суеты и насилия. Сравните это со всеми другими *действующими* системами, а также обратите внимание на то, что *по частям* вся эта система с успехом применялась на протяжении истории. Только взятая в целом она является чем-то новым и исключительным для либертарной теории.

Эта модель восстановления была изложена столь конкретно, несмотря

на то, что её ещё можно улучшить и развить, потому что она решает единственную социальную проблему, связанную с каким-либо насилием вообще. Остальные принципы либертарного общества лучше всего будут изображены богатыми воображением авторами научной фантастики с хорошими знаниями основ праксиологии (термин Мизеса, означающий изучение человеческой деятельности, в особенности, – экономики, но не только).

Некоторые черты этого общества – либертарные в теории и свободно-рыночные на практике, называемые *агорическими* (от греческого слова «агора», означающего «рыночная площадь»), – являются стремительными инновациями в науке, технике, связи, транспорте, производстве и распределении. Отдельного внимания заслуживают прогресс и развитие в области искусства и гуманитарных наук, которые должны идти в ногу с более материальным прогрессом. К тому же, этот нематериальный прогресс будет вполне вероятен по причине полной свободы всех форм ненасильственного художественного самовыражения и гораздо более быстрого и полного донесения его плодов до не возражающей публики. Либертарная литература, восхваляющая эти блага свободы, уже имеет существенный вес и стремительно растёт.

Это описание теории восстановления следует завершить, разобрав некоторые малоизвестные аргументы против неё. Большинство из них сводится к оспариванию концепции назначения цены за повреждённое имущество и пострадавших лиц. Позволить беспристрастному рынку *вместе с жертвой* разрешить этот вопрос представляется наиболее справедливым решением как для жертвы, так и для самого *агрессора*.

Последняя точка зрения раздражает кое-кого из тех, кто считает, что необходимо *наказание* за злой умысел, обратимости содеянного для них недостаточно[21].

Хотя никто из них не представил нравственного обоснования наказания, Ротбард и Дэвид Фридман, в частности, приводят аргументы в пользу экономической необходимости устрашения. Они утверждают, что *любой* процент раскрываемости преступлений меньше 100% оставляет небольшой шанс успеха, поэтому «рациональный преступник» может пойти на риск ради получения дохода. Таким образом, дополнительное сдерживание должно быть добавлено в виде наказания. То, что страх наказания также уменьшает стимул агрессора сдаться и тем самым ещё сильнее снижает раскрываемость преступлений, ими не учитывается. Или, возможно, подразумевается, что суровость наказания будет возрастать всё более быстрыми темпами, чтобы побить возрастающий процент уклонения

от него. В момент написания этих строк, самый *низкий* показатель нераскрытия преступлений, определённых государством, составляет 80%, а большинство преступников имеют более 90% шансов не быть пойманными. И это в исправительно-карательной системе, в которой не происходит никакого восстановления (грабёж потерпевшего продолжается далее через налогообложение с целью поддержания системы исправительных учреждений), а рынок объявлен вне закона. Неудивительно, что так называемый «красный рынок» негосударственной инициации насилия процветает!

Тем не менее, эта критика агорического восстановления не учитывает наличие фактора «энтропии». Потенциальный агрессор должен сравнивать доход от объекта кражи с потерей этого объекта *плюс* проценты *плюс* издержки. Это правда, что если он сдаст себя сразу, две последние составляющие будут минимальными, но при этом так же минимальны будут расходы потерпевшего и его страховой компании.

Агорическое восстановление не только является отличным сдерживающим фактором, основанном на взаимном одобрении. Рыночная стоимость фактора процессуальных издержек позволяет произвести точное количественное измерение социальных расходов на принуждение в обществе. Ни одна другая система, известная на данный момент, не позволяет это сделать. Как говорит большинство либертарииев, свобода работает.

Агорическая теория восстановления никогда не рассматривает замысел агрессора. Предполагается только, что агрессор является действующим субъектом и несёт ответственность за свои действия. Вообще, какое дело одному человеку до того, что думает другой? Имеет значение то, что агрессор делает. Мысль не является действием. По крайней мере в мыслях анархия остаётся абсолютной[22].

Если вы были внезапно шокированы, обнаружив, что я вломился в ваш дом, разбив ваше венецианское окно, вас не будут заботить детали: споткнулся ли я и упал просто проходя мимо, был ли я вовлечён в некий акт иррационального гнева, или же мои действия были частью заранее продуманного плана с целью отвлечь охранников на противоположной стороне улицы, чтобы они не заметили попытки ограбления банка. То, чего вы хотите, – это без промедления вернуть ваше окно (и убрать осколки). *То, о чём я думаю, к вашему восстановлению никакого отношения не имеет.* На самом деле, можно легко показать, что даже самый небольшой расход энергии в этом направлении будет абсолютно напрасной тратой. Мотивы (или, точнее, *предполагаемые* мотивы, ибо это всё, что мы можем знать[22])

могут быть существенными при расследовании и даже при доказательстве арбитру правдоподобности действий агрессора, например, в том случае, когда есть несколько одинаково вероятных подозреваемых, но всё, что имеет значение для торжества справедливости (как его представляет себе либертариий), – это то, что потерпевший приведён в состояние, настолько близкое к имевшему место до случившегося, насколько это возможно. Пусть бог или совесть наказывает «преступные мысли»[\[23\]](#).

Другие критики поставили вопрос, что делать с зачинщиками насилия, которые выплатили свои долги (индивиду, но *не* «обществу»), и теперь «свободны», набравшись большего опыта, попытаться ещё раз. Что делать с рецидивизмом, так широко распространённом в государственническом обществе?

Разумеется, после того, как человек отметится как агрессор, с ним будут проявлять бóльшую осмотрительность, и о нём будут думать в первую очередь, когда произойдёт похожее преступление. И хотя не исключено, что трудовые лагеря могут использоваться для выплаты компенсации в некоторых крайних случаях, большинству агрессоров будет разрешено работать более или менее на свободе, заручившись гарантиями. Таким образом, не будет никаких «учреждений высшего криминального образования», обучающих и способствующих агрессии, какими являются тюрьмы.

Отличительной особенностью высокоэффективной и чёткой системы арбитража и защиты будет то, что она будет занимать незначительную часть человеческого времени, мыслей и денег. Кто-то может сказать, что 99% агорического общества мы не представили вообще. Как насчёт устранения саморазрушения (которого либертарианство не касается), освоения и колонизации космоса, продления жизни, развития интеллекта, межличностных отношений и эстетического разнообразия? Всё, что действительно можно и *нужно* сказать по этому поводу, – это то, что там, где современный человек должен тратить половину своих времени и сил либо служа государству, либо сопротивляясь ему – это время, умноженное на мощность (то, что физики называют работой) будет использоваться для всех других аспектов самосовершенствования и укрощения природы. Нужно обладать действительно циничным взглядом на человечество, чтобы представлять себе что-то кроме более богатого, более счастливого общества.

Это было описание нашей цели в общих чертах, с концентрацией внимания на аспекте справедливости и защиты. У нас есть «здесь» и «там». Теперь опишем путь – контрэкономику.

Глава 3. Контрэкономика. Наши средства.

Детально разобрав наше прошлое и государственническое настоящее, а также взглянув на правдоподобное описание гораздо лучшего общества, достижимого при помощи сегодняшних знаний и технологий (не требуется никакой перемены в человеческой природе) – мы подошли к решающей части манифеста: как мы попадём «отсюда» «туда»? Ответ, естественно, или, может быть, неестественно, разбивается на две части. Без государства разделение на «микро» (самостоятельные действия индивидуума и его окружения, включая рынок) и «макро» (коллективные действия) в лучшем случае будет интересным статистическим упражнением с некоторой небольшой пользой для маркетинговых агентств. Но и в этом случае человек с развитым чувством порядочности может пожелать понять *социальные* последствия своих действий, даже если они никому другому не приносят вреда.

При наличии государства, пятнающего каждый поступок и засоряющего наши мысли незаслуженным чувством вины, понимание социальных последствий наших действий становится крайне важным. Например, если мы не заплатим налог и избежим наказания, то кто от этого пострадает? Мы? Государство? Невинные граждане? Либертарный анализ показывает нам, что *государство* несёт ответственность за любой ущерб невинным гражданам, который, как оно пытается доказать, причиняет «эгоистичный неплательщик», а «услуги», которые «обеспечивает» государство, иллюзорны. Но даже в этом случае, не должно ли быть нечто большее, чем умно прикрытое одиночное сопротивление или «выпадение из системы»? Если политическая партия или революционная армия неприемлемы для достижения либертарных целей и самой своей природой обречены на провал, то какой вид коллективной активности будет работать?

Ответом является агоризм.

Увлекать большие группы человечества прочь из государственнического общества в агору возможно, практично и даже прибыльно. Это, в самом глубоком смысле, – истинная революционная деятельность, которая будет освещена в [следующей главе](#). Но чтобы понять этот «макро» ответ, мы сначала должны кратко описать ответ «микро» [24].

Функция экономической псевдонауки истеблишмента заключается не столько в том, чтобы делать предсказания для правящего класса (как авгуры в Римской Империи), сколько в том, чтобы мистифицировать и

дезориентировать управляемый класс по поводу того, куда уходит его материальное благосостояние и каким способом оно изымается. Объяснение того, каким образом люди могут сохранить своё состояние и имущество защищённым от государства, является в таком случае экономикой противодействия истеблишменту (Counter-Establishment economics), или сокращённо контрэкономикой[25]. Существующая практика по уклонению от государства, его игнорированию и неповиновению ему – это контрэкономическая деятельность. Но с той же двусмысленностью, с какой словом «экономика» называют и науку, и то, что она изучает, несомненно будет использоваться и термин «контрэкономика». Поскольку этот текст и есть собственно контрэкономическая теория, контрэкономикой далее будет называться практика.

Классификация и описание всей контрэкономики или значительной её части само по себе займёт целый том, не меньше[26]. Здесь будет намечено в общих чертах лишь самое необходимое для понимания оставшейся части манифеста.

Процесс перехода от агорического общества в государственническое должен быть подобен движению в гору, эквивалентен траектории с сильно негативной энтропией в физике. В конце концов, если человек начал жить в хорошо налаженном свободном обществе и понимать его, зачем ему желать возвращаться к систематическому принуждению, грабежу и мучительному беспокойству? Распространение невежества среди знающих и неразумности среди разумных – трудное занятие. Мистификация того, что уже ясно понято, практически невозможна. Агорическое общество должно быть довольно стабильным, чтобы не приходить в упадок, и в то же время весьма открытым для усовершенствования.

Давайте прокрутим время назад, как прокручивают назад кинофильмы, от агорического общества к существующему государственному обществу. Что мы увидим?

Сначала появятся островки государственничества, территориально целостные в большинстве случаев, поскольку государство невозможно без региональных монополий. Оставшиеся жертвы становятся более и более осведомлёнными о прекрасном свободном мире вокруг их и «испаряются» с этих островков. Большие синдикаты рыночных охранных агентств сдерживают государство, защищая тех, кто подписался на охранный страховку. Самое важное, что те, кто находятся за пределами государственнических островков или сообществ, продолжают наслаждаться агорическим обществом с поправкой на более высокую

стоимость страховых взносов и некоторую степень осторожности при путешествиях. В этой ситуации агористы смогут сосуществовать со сторонниками государства, поддерживая изоляционистскую «внешнюю политику», поскольку освободительное вторжение в государственнические сообщества обойдётся дороже немедленного возвращения (если только государство не затевает окончательную полномасштабную агрессию). Нет, однако, никаких реальных причин вообразить, что оставшиеся жертвы предпочтут остаться угнетёнными, когда либертарная альтернатива столь видна и доступна. Зоны государства подобны перенасыщенному раствору, из которого готова выкристаллизоваться анархия.

Сделаем ещё один шаг назад и увидим противоположную ситуацию: более крупные сектора общества находятся под дланью государства, а более мелкие живут, насколько возможно, агорически. Тем не менее, есть одно заметное отличие: агористам не нужно находиться в территориально целостной области. Они могут жить где угодно, хоть у них и будет *тенденция* связываться с собой со своими товарищами-агористами не только с целью получения социальной поддержки (как это называют психологи), но и для простоты и прибыльности товарообмена. В любом случае, безопаснее и выгоднее иметь дело с проверенными заказчиками и поставщиками. Существует тенденция создания связей между более агорическими индивидами и их размежевания с более эгатистскими элементами (эта тенденция сильна не только теоретически, как зарождающаяся практика она существует уже сегодня). Некоторые легко защищаемые территории, возможно, в космосе, острова в океане (или под океаном), или районы гетто больших городов, где государство полностью бессильно их подавить, могут стать полностью агорическими. Хотя большинство агористов будут жить внутри захваченных государством территорий.

Среди людей будет представлен широкий спектр различных степеней агоризма, так же как и сегодня, когда некоторые, извлекающие пользу из государства, являются рьяными государственниками, некоторые – полностью осознают агорическую альтернативу и живут максимально свободно, а все остальные находятся в середине, будучи в разной степени дезориентированными.

Наконец, мы возвращаемся туда, где присутствуют лишь немногие, кто понимает агоризм, а подавляющее большинство составляют те, кто видят иллюзорную выгоду от существования государства или не могут воспринять альтернативу, и сами государственники: управленческий аппарат и класс, определяемый получением дополнительного дохода от государственного вмешательства в рынок[27].

Это описание нашего общества в настоящее время. Мы «дома».

Прежде чем мы возьмём обратный курс и опишем путь от этатизма к агоризму, давайте окинем наше нынешнее общество свежим агорическим взглядом. Как путешественник, вернувшийся домой и увидевший вещи в новом свете того, что он узнал о чужеземных странах и тамошнем образе жизни, мы можем получить новые представления о нашем нынешнем положении.

Помимо некоторого числа просветлённых новых либертариив, к которым относятся терпимо в более либеральных этатистских зонах земного шара («терпимость» существует на уровне либертарного вкрапления в этатизм), мы теперь видим нечто иное: большое число людей, которые действуют как агористы со слабым пониманием какой-либо теории, побуждённые материальной прибылью уклоняться от государства, избегать его и оказывать ему открытое неповиновение. Они определённо имеют потенциал, не так ли?

В Советском Союзе, бастионе архи-государственничества с почти полностью развалившейся «официальной» экономикой, гигантский чёрный рынок обеспечивает русских, армян, украинцев и другие народы всем: от продуктов питания и ремонта телевизоров до официальных бумаг и благосклонностей правящего класса. Как сообщает *Manchester Guardian Weekly*, Бирма с государством, сокращённым до армии, полиции и горстки самодовольных политиков, практически полностью представляет из себя чёрный рынок. В той или иной степени, это утверждение верно практически для любой страны «Второго» и «Третьего» миров.

Ну а что насчёт «Первого» мира? В социал-демократических странах чёрного рынка меньше, потому что «белый рынок» допустимых законом рыночных сделок больше, но его следы весьма заметны. Италия, например, имеет «проблему» с тем, что значительная часть гражданских служащих (которые работают официально с 7 утра до 2 пополудни) зарабатывает «чёрные» деньги, работая неофициально на различных работах оставшуюся часть дня. Нидерланды имеют большой чёрный рынок жилья по причине высокого регулирования этой отрасли. В Дании движение за уклонение от налогов настолько велико, что те его участники, которых прельстило участие в политике, создали вторую по величине партию. И это только самые бросающиеся в глаза примеры, которые пресса была в состоянии или пожелала осветить. Безудержно нарушаются процедуры валютного контроля. Во Франции, например, возможно, что каждый производит внушительные накопления золота, а поездки в Швейцарию для чего-то большего, чем просто туризм или горнолыжный отдых, являются

вполне обычным явлением.

Чтобы оценить масштабность всей этой контрэкономической деятельности, для полноты картины очень желательно также рассмотреть и экономические системы относительно свободных «капиталистических» стран. Давайте обратим наш взор на чёрные и серые рынки[28] в Северной Америке, помня, что сегодня это пример самой низкой активности в мире.

По данным американской налоговой службы, по меньшей мере двадцать миллионов человек участвуют в «подпольной экономике» неплательщиков налогов, пользующихся наличными или бартерным обменом с целью избежать выявления сделок. Миллионы держат деньги в золоте или на иностранных счетах с целью избежать скрытого налогообложения, называемого инфляцией. По данным иммиграционной службы миллионы «нелегальных иностранцев» имеют работу. Ещё больше миллионов употребляют или продают марихуану, кокаин, другие незаконные наркотики, лаэтрил, триптофан, лекарства от СПИДа и прочие запрещённые вещества.

И ещё есть те, кто практикует «преступления без потерпевших». Кроме употребления наркотиков, к ним относятся проституция, порнография, бутлегерство, подделка документов, азартные игры, незаконные сексуальные отношения между добровольно согласными взрослыми людьми. Независимо от «движений за реформы», пытающихся достичь политического признания этих деяний законными, народ предпочитает *действовать прямо сейчас*, тем самым создавая контрэкономику.

Однако на этом дело не останавливается. С тех пор, как в качестве федерального закона вступило в силу ограничение скорости 55 миль в час, большинство американцев стали контрэкономическими водителями. Профессиональное сообщество водителей-дальнобойщиков развило систему радиосвязи для обхождения государственных мер по обеспечению выполнения законодательства. Для независимых водителей, которые могут сделать четыре пробега при скорости в 75 миль в час вместо трёх при 55-ти, контрэкономическое вождение – это вопрос выживания.

Древняя традиция контрабандизма процветает и сегодня: начиная с контейнеров, полных марихуаны и иностранной бытовой техники, облагаемой высокими пошлинами, уймы людей из менее развитых стран и заканчивая туристами, прячущими в багаж немного лишнего и не сообщающими об этом таможенникам.

Почти каждый занимается, в некотором роде, предоставлением ложных сведений или сокрытием фактов при подаче налоговой декларации,

неучтёнными выплатами за услуги, недеklarированными торговыми операциями с родственниками и нелегальными сексуальными взаимоотношениями со своими партнёрами.

Таким образом, каждый человек является контрэкономистом в той или иной степени. И это вполне предсказуемо с точки зрения либертарной теории. Ведь почти на каждый аспект человеческой деятельности найдётся государственный законодательный акт – запрещающий, регулирующий или контролирующий его. Количество этих законов столь велико, что «либертарная» партия, которая полностью предотвращала бы принятие каких-либо новых законодательных актов и ускоренными темпами отменяла бы десять или двадцать законов за каждую сессию, не смогла бы отменить существенную часть государства (не говоря уже о самом механизме!) в течение целого тысячелетия[29].

Очевидно, что государство не способно обеспечить выполнение своих указов, и, тем не менее, оно продолжает существовать. И если каждый в какой-то мере контрэкономичен, почему же тогда контрээкономика не сокрушила экономику?

За пределами Северной Америки мы можем учесть эффект империализма. Советский Союз получал поддержку от более развитых стран в тридцатые годы двадцатого века и большое количество инструментов насилия во время Второй Мировой войны. Даже сегодня «внешняя торговля», обильно субсидируемая безвозвратными займами, даёт опору советскому и новому китайскому режимам. Этот капитал (или, точнее сказать, *антикапитал*, поскольку он уничтожает благосостояние) из обоих блоков вместе с военной помощью поддерживает режимы в остальных частях земного шара. Но это не объясняет ситуацию в Северной Америке.

То, что существует повсюду на Земле и позволяет государству продолжать своё существование – это *согласие жертвы*[30]. Каждая жертва этатизма в какой-то степени признала государство. Ежегодно провозглашаемый налоговой службой рекламный слоган о том, что подоходный налог зависит от «добровольного согласия», как ни странно, является истиной. Стоит лишь налогоплательщикам полностью перекрыть поступление крови, как беспомощное государство-вампир исчезнет с лица земли, а его полиция и армия, оставшись без зарплаты, практически немедленно дезертируют, лишив монстра его клыков. Если бы каждый отказался от «законного платёжного средства» в пользу золота, расписок или других инструментов обмена, то под сомнением оказался бы даже тезис о том, что налогообложение может поддержать современное

государство[31].

И вот здесь ключевым вопросом становится государственный контроль за образованием и средствами массовой информации, либо напрямую, либо через право собственности на них представителей правящего класса. Поначалу традиционное духовенство выполняло функцию освящения короля и аристократии, окружения таинством отношений между угнетёнными и угнетаемыми, и индуцирования чувства вины у тех, кто не повиновался и сопротивлялся. Отделение церкви от государства переложило это бремя на новый интеллектуальный класс (тот, который русские назвали *интеллигенцией*). Некоторые интеллектуалы, рассматривающие истину как величайшую ценность (подобно ранним инакомыслящим теологам и духовным лицам), проводят работу по разъяснению, а не по мистификации, но их отвергают, гневно осуждают и не допускают к контролируемому государством заработку. Таким образом возникают явления диссидентства и ревизионизма, а вместе с ними рождаются настроения антиинтеллектуализма среди народных масс, которые догадываются или имеют некоторое понимание относительно функции придворных интеллектуалов.

Кстати заметьте, каким нападкам и репрессиям в государствах любого типа подвергаются интеллектуалы-анархисты, как подавляются те, что выступают за свержение нынешнего правящего класса даже только для того, чтобы заменить его другим. Тех, кто предлагает изменения, которые устроят одних иждивенцев государства и заменят их другими, часто восхваляют извлекающие выгоду представители высших кругов и атакуют те, кто потенциально пострадает.

Общей чертой почти всех закоренелых участников чёрного рынка является их чувство вины. Они стремятся «срубить бабла» и вернуться в «приличное общество». Контрабандисты и проститутки – все надеются рано или поздно на возвращение в общество, даже после того, как у них уже образовалось собственное маргинальное «сообщество» взаимной поддержки. Однако существовали и исключения: сообщества религиозных раскольников восемнадцатого века, политические утопические коммуны девятнадцатого и, совсем недавно, контркультура хиппи и «новые левые». То, что было у них – это твёрдое убеждение в том, что их сообщество стояло на более высокой ступени развития по сравнению с остальным обществом. Реакция страха, которую они вызывали в остальном обществе, была страхом того, что они могли быть правы.

Все эти примеры самодостаточных сообществ оказались несостоятельными по одной подавляющей причине: пренебрежение

законами экономики. Никакие тесные социальные связи, как бы прекрасны они не были, не смогут оказаться сильнее основного клея общества – разделения труда. Антирыночная коммуна отрицает единственный выполнимый закон – закон природы. Основная организационная структура общества (уровнем выше семьи) – это не коммуна (род, племя или государство), а *агора*. Независимо от того, как много людей желает, чтобы коммунизм работал, и посвящает себя ему, он обречён на провал. Большими усилиями они могут сдерживать агоризм бесконечно, но когда они его отпустят, «поток» или «невидимая рука», «волна истории» или «стимул к получению прибыли», «занятие тем, что естественно» или «стихийность» неизбежно приведут общество ближе к чистой агоре.

Почему налицо такое сопротивление тому, что в конечном итоге приведёт к счастью? Психологи имеют дело с этим вопросом с тех пор, как начали заниматься своей наукой, до сих пор находящейся в зародышевом состоянии. Мы можем дать по крайней мере два общих ответа, когда дело касается социоэкономических вопросов: принятие антипринципов (то есть, тех конуепций, которые кажутся принципами, но на самом деле противоречат естественным законам) и противодействие привилегированных групп.

Теперь мы можем ясно видеть, что необходимо для создания либертарного общества. С одной стороны нам нужно обучение либертарных активистов и поднятие самосознания контрэкономистов до либертарного понимания и взаимной поддержки. «Мы правы, мы лучше, мы ведём нравственный и последовательный образ жизни, и мы строим лучшее общество с преимуществами для нас самих и для других», – могли бы читать как мантру наши контрэкономические «группы аутотренинга».

Обратите внимание, что либертарные активисты, которые сами не принимают участия в контрэкономике, вряд ли будут убедительны. «Либертарные» политические кандидаты подрывают своими делами всё (ценное), о чём говорят. Некоторые кандидаты даже занимают должности в налоговых управлениях и оборонных департаментах!

С другой стороны, мы должны защищать себя против привилегированных групп или, по крайней мере, уменьшить притеснение с их стороны настолько, на сколько это возможно. Если мы воздержимся от реформистской деятельности как от контрпродуктивной, как мы добьёмся этого результата?

Один из способов – привлечь больше и больше людей в контрээкономику и уменьшить добычу государства. Но одного уклонения не достаточно. Как мы будем защищать себя и даже контратаковать?

Медленно, но неуклонно мы перейдём в свободное общество, обращая всё больше контрэкономистов в либертарианство и больше либертариив в контрэкономику, в конечном итоге интегрируя теорию и практику. Контрээкономика будет расти и распространяться на следующую ступень, которую мы видели в нашем путешествии назад, с большим как никогда агорическим сообществом, погружённым в эгатистское общество. Некоторые агористы могут даже сконцентрироваться в отдельных районах и гетто и преобладать на островах и в космических колониях. В этот момент станет важным вопрос защиты и обороны.

Используя нашу агорическую модель ([глава 2](#)), мы можем рассмотреть, как будет развиваться индустрия защиты. Во-первых, почему люди включаются в контрээкономику без защиты? Доход от риска, которому они себя подвергают, выше чем ожидаемый убыток. Это утверждение, конечно же, будет справедливо по отношению к *любой* экономической деятельности, но по отношению к контрээкономике его следует особенно подчеркнуть:

Фундаментальный принцип контрээкономики – это обмен риска на прибыль [\[32\]](#).

Чем выше ожидаемый доход, тем больше взятый риск. Заметьте, что если каким-то образом уменьшить риск, то может быть предпринято и достигнуто больше – бесспорно, это показатель того, что свободное общество богаче несвободного.

Риск можно уменьшить, увеличив внимание, проявляя предосторожность и улучшая меры безопасности (замки и защищённые секретные хранилища), а также доверяя ограниченному кругу доверенных лиц. Последнее означает сильное предпочтение иметь дело с товарищами-агористами и мощный экономический стимул, укрепляющий агорическое сообщество и дающий стимул к вербовке новых членов в это сообщество (или к поддержке такой вербовки).

У контрээкономических предпринимателей есть стимул предоставлять лучшие устройства безопасности, убежища, инструкции, помогающие уклонению от налогов и проверке потенциальных заказчиков и поставщиков для других контрээкономических предпринимателей. Таким образом рождается контрээкономическая охранная индустрия.

По мере её роста она сможет начать страховать от «пробоин», ещё более уменьшая контрээкономические риски и ускоряя рост контрээкономики. Далее, она сможет обеспечивать наблюдательные посты и патрулируемые зоны ответственного хранения с системами сигнализации и высокотехнологичными механизмами маскировки. Охранники могут

служить для защиты от обычных (негосударственных) преступников. На данный момент многие жилые районы, коммерческие зоны и места проживания меньшинств уже нанимают частные патрули, более не надеясь на мнимую государственную защиту имущества.

Попутно риск нарушения контрэкономических договоров будет уменьшен с помощью арбитража. Охранные агентства начнут следить за обеспечением исполнения контрактов между агористами, хотя главным «исполнителем» на начальных стадиях будет государство, которому каждый может сдать обманщика. В то же время подобный акт быстро может повлечь за собой изгнание из сообщества, поэтому будет цениться внутренний механизм исполнения.

В конечном итоге выполнение условий контрэкономических сделок с государственниками будет обеспечиваться охранными агентствами, и агористы будут защищены от преступной деятельности государства[33].

И вот мы достигли последней ступени, ведущей к установлению либертарного общества. Общество разделено на большие, целостные агорические области и стремительно уменьшающиеся этатистские сектора.

Мы стоим на пороге революции.

Глава 4. Революция. Наша стратегия

Наше положение проанализировано, наша цель осознана, механизм расписан в деталях, и набор путей намечен. Стоит нам просто самим стать контрэкономистами, обучить себя либертарианству и передать словом и делом своё знание другим – и мы достигнем нашего либертарного общества. Безусловно, этого достаточно для большинства людей и большего можно не ожидать. Никакому новому либертарию никогда не следует упрекать либертарных контрэкономистов в том, что они не делают большего. Они – агористы, и сами дойдут до этого в своё время.

Однако даже эти агористы могут содействовать тем предпринимателям, которые приближают общество к агоризму и отдаляют от этатизма. И другие, замечая растущую инфляцию, которая ведёт к экономическому краху или сгущает тучи войны, захотят что-то *сделать* с ней. Наконец, нужно отбивать контрудары государства, которое разрушает агорическое сообщество и увлекает либертарию на ложные пути. Эти задачи определяют поле деятельности для нового либертарного активиста[34].

Опять же, тем, кто хочет жить настолько свободно, насколько это возможно, и объединяться с единомышленниками, контрэкономического либертарианства достаточно. Большого и не нужно.

Однако тем, кто хочет поддержать, в меру возможности, таких героических предпринимателей, которые привлекают в агору новых сторонников, разбираются с порождёнными государством катастрофами, сражаются против государственников снаружи и внутри, нужен направляющий вектор, чтобы отделять тех, кто «делает что-то полезное» от тех, кто тянет канитель и тех, кто вообще контрпродуктивен (т. е. контрреволюционен) для достижения большей свободы. И для тех, кто подобно автору горит свободой и хочет посвятить свою жизнь этой работе, прежде всего важна стратегия. Так что далее следует новая либертарная стратегия[35].

Новым либертарным активистам следует помнить, что реальная защита от государства невозможна до тех пор, пока контрэкономика не породила достаточно крупные синдикаты охранных агентств, чтобы обороняться от остатков государства. Это произойдёт только в «фазе перехода» между третьей и четвёртой ступенью, ведущими назад от этатизма к агоризму ([глава 3](#)).

Каждый шаг от этатизма к агоризму требует своей отдельной стратегии, тактика же будет меняться даже в процессе каждого отдельного шага, но есть *некоторые* правила, которые будут иметь силу на каждой стадии.

При любых обстоятельствах, следует привлекать новых последователей и обучать их. Столкнувшись с типично сомневающимися знакомыми, которые раздумывают, не совершить ли им контрэкономический акт, поддержите их решение совершить его. Если они достаточно разумны и вряд ли переменят своё к вам отношение, объясните имеющиеся риски и ожидаемый доход. Самое главное, обучайте их на своём примере в тех пределах, в каких вы можете им доверять.

Всех «книжных либертариив», которых вы знаете, – тех, кто исповедует той или иной теоретический вариант либертарианства, но воздерживается от практики – следует побуждать к выполнению того, что они проповедуют. Презирайте их бездействие, хвалите их за первые неуверенные шаги по направлению к контрэкономике. Общайтесь с ними больше и больше по мере того, как растёт доверие вместе с их компетенцией и опытом.

Тех участников контрэкономике, с которыми вы сталкиваетесь, можно «посвятить» в либертарную философию, которой вы придерживаетесь, в те ваши загадочные убеждения, которые делают вас счастливыми и свободными от чувства вины. Равнодушно прекращайте, если они делают вид, что им неинтересно, и добавляйте энтузиазма по мере того, как будет расти их любопытство и желание узнать больше.

Рекламируйте агоризм примером и аргументацией. Контролируйте и сознательно моделируйте свои эмоциональные реакции, чтобы проявлять враждебность государственности и уклонизму, и выражать энтузиазм и радость от агорических действий и неудач государства. Многие из этих навыков придут с обычной практикой, но можно проверять себя чтобы кое-что усовершенствовать.

Наконец, координируйте ваши действия с другими новыми либертарными активистами. Таким образом мы подходим к необходимости групповой тактики и организации.

Многие видные либертариив утверждают, что рыночные структуры бизнеса, товарищества и акционерные общества [36] предоставляют собой все необходимые или желательные формы организации, не считая, возможно, личные и общественные связи. С одной стороны, они правы в том, что все структуры должны быть совместимы с рынком или же они будут противоречить агоризму. С другой стороны, их можно обвинить в

отсутствии воображения и в озабоченности формой в ущерб содержанию.

В агорическом обществе разделение труда и самоуважение каждого рабочего-капиталиста-предпринимателя, вероятнее всего, ликвидирует традиционную модель организации бизнеса, в особенности, корпоративную иерархию – имитацию государства, а не рынка. Большинство компаний будут ассоциациями независимых подрядчиков, консультантов и других компаний. Многие могут состоять просто из одного предпринимателя и всех его услуг, компьютеров, поставщиков и клиентов. Этот способ ведения дел уже весьма распространён и набирает рост в наиболее свободных отраслях западных экономик.

Таким образом, ассоциация свободных предпринимателей с целью специализации, координации и осуществления либертарной активности не противоречит рынку и вполне может быть оптимальной. Традиционное название объединения для совместной работы независимых единиц с некоторой целью и последующим расформированием – *альянс*. Следовательно, основная организация новых либертарных активистов – это *Новый Либертарный Альянс*[\[37\]](#).

Структура Нового Либертарного Альянса (или Альянсов) проста, и следует избегать превращения его в политический орган или даже в авторитарную организацию. Вместо руководителей ему нужны тактики (местные координаторы со способностью к тактическому планированию) и стратеги (региональные координаторы со способностью к стратегическому мышлению). Союзник в Новом Либертарном Альянсе вовсе не *следует* указаниям тактика или стратега, а скорее «покупает» их доводы и знание дела. Любой, кто предложит план лучше, может заменить предшественника. Тактика и стратегия должны «покупаться и продаваться» союзниками как любой другой товар совместимым с агоризмом способом.

Несмотря на то, что эти термины заимствованы из военной истории и относятся к форме вооружённой борьбы, никогда не забывайте, что реальное физическое столкновение с силами государства следует отложить до возникновения на рынке синдикатов охранных агентств достаточной силы – всё остальное преждевременно[\[38\]](#).

Какой же глобальной стратегии, континентальной стратегии и местной тактике оптимальнее всего следовать НЛИА? Давайте взглянем ещё раз на четыре шага от государства к агоре (или на обратные шаги от агоры к государству). Первые три деления на самом деле скорее искусственные – между первым, вторым и третьим шагами не происходит никаких резких перемен. Как будет показано ниже, наиболее вероятно, что переход от третьего шага к четвёртому будет достаточно внезапным, хотя природа

агоры этого не требует. Конвульсия будет вызвана природой государства. По сути, насилие, беспорядки, нестабильность и дезорганизация всегда вызваны государством и никогда не разжигаются новыми либертариями.

Запомните как следует, вы, будущие рыцари Свободы: *никогда не унизируйте никаких актов насилия, вне зависимости от того, насколько вероятным может показаться «либертарный» результат.* Сделать так означает опуститься до государственника. У этого правила *нет* исключений. Либо вы принципиально последовательны, либо нет. Новый либертарий принципиально последователен, а тот, кто не последователен, не является новым либертарием[39].

Используя новый либертарный анализ, однако, можно предсказать вероятные вспышки государственной агрессии и сделать шаг к их предотвращению путём разоблачения и даже защитить жертв или эвакуировать их. Можно также предсказать вероятные результаты уклонизма либертарных групп и либо предотвратить предательства и катастрофы либо завоевать уважение за свою дальновидность и дальновидность нового либертарианства перед потенциальными новобранцами. Если представить государство как лесной пожар, то Новый Либертарный Альянс будет командой пожарных, которые знают, как он горит, как нужно создавать противопожарные полосы, как на него воздействуют ветры перемен, в какую сторону летят искры, и, наконец, как можно его можно погасить.

Имея это в виду, давайте обозначим ступени к агоре как четыре этапа и коротко изложим подходящую стратегию для каждого из них.

Нулевой этап: Нулевая плотность агорического общества

На этом этапе, основном в человеческой истории, агористов не существует, и есть только редкие либертарики или протолибертарики, которые осмысливают и практикуют контрэкономику. Как только кто-то прочтёт этот манифест и захочет применить его, мы перейдём на новый этап. Всё, что мы можем сделать на нулевом этапе – это медленная эволюция сознания, развитие пробами и ошибками и множество удручающих дихотомий.

Пока вы, первый агорист в ситуации нулевого этапа, не нашли сторонников, ваша единственная стратегия – увеличивать численность и вести контрэкономический образ жизни. Лучшая форма организации – это Либертарный Альянс, в котором вы уводите членов от политической деятельности (куда они слепо ввязались, стремясь освободиться от угнетения) и обращаете основное внимание на просвещение, пропаганду, привлечение новых людей и, возможно, *антиполитические* кампании (такие как «Не голосуй ни за кого», «Против всех», «Бойкот голосованию», «Не голосуй, это только усиливает их!» и т. п.) для провозглашения либертарной альтернативы. Либертарный Альянс может занимать позиции по вопросам, по которым достигнуто согласие, но настаивайте на консенсусе. Так будут заняты только очевидно либертарные позиции и вы всегда можете наложить вето на уклон. Всегда поощряйте тенденции в сторону «твёрдых» (последовательных) позиций, а «мягкие» (непоследовательные) отвергайте.

Первый этап: Низкая плотность агорического общества

На этом этапе появляются первые контрэкономические либертарии и возникают первые серьёзные расколы в либертарном движении. Так как пока лишь немногие либертарии строго последовательны, уклонизм будет обычным делом и будет часто брать верх над активизмом. Схемы «быстрого освобождения», от «анархо-сионизма» (бегства на обетованную землю свободы) до политического оппортунизма, прельстят нетерпеливых и поколеблют недостаточно информированных. Всё потерпит неудачу, если свобода не будет расти от человека к человеку. *Массовое обращение невозможно*. Есть одно исключение – радикализация вследствие агрессии государства против какой-то группы. Но даже в этом случае предпринимателям свободы нужно проинформировать репресслируемую группу в достаточном объёме, чтобы она целенаправленно *перешла* в либертарный лагерь, а не разбежалась по сторонам или, хуже того, не слилась с этакристами вне власти. Такие кризисы государственничества могут быть спонтанными и предсказуемыми, однако нравственные, последовательные либертарии не должны становиться их *причиной*.

Стратегия первых новых либертариёв – бороться с антипринципами, которые усиливают государство и впустую тратят энергию анархистов. Общая стратегия, намеченная ранее, здесь тоже применима: привлекать либертариёв в контрээкономику и убеждать наиболее активных агористов привлекать контрэкономистов в либертарианство.

Предшественники новых либертариёв могут работать внутри существующих организаций и либертарных клубов в качестве «радикальных фракций», инициативных групп или в качестве фракции «либертарных левых» в целом. Новый Либертарный Альянс преждевремен в этих условиях, потому что он не может пока вести самостоятельных действий.

Под любой вывеской, подходящей для привлечения новых членов, может быть создано *Движение Либертарных Левых*. Такое движение, как правило, представляет из себя разношёрстную компанию людей, с различной степенью «твёрдости» придерживающихся основных принципов, но в целом *склоняющихся* или *движущихся* к идеалу нового либертарианства. Внутри ДЛЛ даже не стоит заострять внимание на организационной структуре. Самые передовые новые либертарии будут

наиболее способны составлять планы и согласовывать действия; другими словами, люди с глубочайшим пониманием агоризма, с накопленным опытом и с самым ревностным желанием к действию естественным образом будут направлять человеческие силы. Каждый член ДЛЛ, равно как и каждый новый либертарный союзник, сам распоряжаясь своими ресурсами, будет самостоятельно решать следовать или нет советам и планам стратега или тактика, подобно тому, как поступает каждый предприниматель с рекомендациями компетентного консультанта. Для публичных акций и выступлений в средствах массовой информации, возможно, понадобится *какая-нибудь* псевдополитическая атрибутика. К тому же ваша рыночная организация, если её не объяснять псевдополитическими терминами, будет *непонятна* большей части людей.

Здесь, на более поздних стадиях первого этапа при действующем Движении Либертарных Левых достаточной численности, эти закалённые обособленные «кадры» действительно смогут приложить усилие и перетянуть на свою сторону многочисленные группы полуобращённых квази-либертариёв, чтобы препятствовать крайним мерам государства. Это – дорогостоящая тактика «быстрого заработка», но с низким долгосрочным результатом, и её не стоит применять часто (мы обсудим её позже; вкратце – предотвращайте войну и массовое уничтожение либертариёв).

Перечисленные виды деятельности, радикализация либертариёв, и развёртывание НЛА. Это всё, чего можно достигнуть.

Второй этап: Средняя плотность, малая конденсация агорического общества.

На этом этапе государственники замечают агоризм. Если раньше либертарии могли быть обмануты одной правящей фракцией в ущерб другой (это что-то вроде антирыночной «конкуренции», игры бюллетеней и пуль вместо игры цен и инноваций), то теперь их начинают воспринимать как угрозу. Хотя это и маловероятно, могут начаться погромы (массовые аресты и репрессии). Помните, что большинство агористов погружены в остальное общество и с ними взаимодействуют частично обращённые либертарии и контрэкономисты. Чтобы достичь этого этапа, всё общество в той или иной степени было заражено агоризмом. Поэтому на данном этапе возможно возникновение первых «гетто» или райнов, населённых агористами, которые смогут полагаться на солидарность с остальным обществом для предотвращения массированных ударов государства[40].

Эти сообщества, открытые или подпольные, теперь смогут поддерживать существование Нового Либертарного Альянса. НЛА действует как представитель Агоры в государственническом обществе и пользуется любым случаем, чтобы разъяснить преимущества агорического образа жизни перед государственническим выживанием и, пожалуй, призывать к терпимости к тем, кто «идёт другим путём»[41].

На этом этапе агорическому обществу угрожает опасность возврата населения к государственничеству. Поэтому у агористов, открытых или нет, есть высокий стимул по крайней мере удержать текущий уровень либертарного сознания среди остального населения. Наиболее умело это может делать НЛА (на этом этапе – это один из способов определить, кто входит в НЛА), у Альянса есть своя поддержка и миссия. Но в дополнение к «защите» агорического сообщества, он может работать на ускорение перехода к следующему эволюционному этапу.

Третий этап: высокая плотность, большая конденсация агорического общества

На этом этапе государство переживает ряд окончательных кризисов, в чём-то аналогичных хорошо всем известному марксистскому сценарию, но по другим причинам – в этом случае, настоящим. К счастью, его возможности по нанесению какого-либо ущерба существенно уменьшены истощением государственных ресурсов и разложением его власти в связи с ростом контрэкономики.

Фактически, как только ресурсы государства и агоры приблизятся к равенству, государство *впадёт* в кризис. Войны и необузданная инфляция с депрессиями и катастрофами не будут прекращаться пока государство будет пытаться восстановить свою власть. Процесс его упадка *может* быть повернут вспять посредством заражения агоры привлекательными антипринципами, поэтому первая задача Нового Либертарного Альянса ясна: удержать бдительность и чистоту помыслов. На этом этапе Альянсу уже не нужно держаться за свою вывеску и прежнюю форму. Самые активные новые либертарики займутся исследованиями и развитием сегментов растущих агорических агентств охраны и арбитража и станут руководителями синдикатов охранных компаний.

Теперь ситуация приближается к революции, но всё ещё обратима[42]. Как и раньше, новые либертарики находятся в авангарде поддержки и защиты достигнутых на данный момент завоеваний, но смотрят вперёд, в следующий этап.

Новый Либертарный Альянс (теперь это собирательный термин для всех передовых элементов) может ускорить процесс, открывая и развивая оптимальные методы охраны и защиты, словом и делом, для своей индустрии, и внедряя в ней инновации.

На этом переходе с третьего этапа на четвёртый мы наблюдаем последнюю попытку со стороны правящего класса государства развязать насилие с целью подавления тех элементов, которые потом привлекут этот класс к ответственности за все прошлые преступления государства. Государственные интеллектуалы осознают, что их власть рушится, и всё будет потеряно, что ход вещей нужно повернуть вспять сейчас или никогда. НЛА должен предотвратить преждевременное осознание этого положения или преждевременные действия, основанные на этом осознании. Это последняя стратегическая цель Альянса.

Когда государство обрушит последнюю волну репрессий и встретит успешное сопротивление – это и определит начало *революции*. Как только станет ясно, что государство больше не может грабить и платить паразитирующему классу, силовые структуры перейдут на другую сторону – к тем, кто более платёжеспособен, и государство быстро распадётся на ряд островов государственничества в отсталых районах, если таковые вообще останутся[\[43\]](#).

Четвёртый этап: Агорическое общество с этатистскими примесями

После распада государства остаётся сделать лишь завершающие штрихи. Поскольку страховым и охранным компаниям больше не нужно осуществлять защиту от государства, синдикат объединённых защитников распадается на конкурирующие агентства, а НЛА, поддержка которого больше не нужна, прекращает свою работу. Схваченные государственники возмещают убытки и, если они сумеют погасить свои задолженности, реинтегрируются в общество как действующие предприниматели (пока они отрабатывают свои долги, их «тренинг» происходит автоматически).

Мы дома ([глава 2](#))! Новое либертарианство считается само собой разумеющейся основой повседневной жизни, и мы будем решать другие проблемы, стоящие перед человечеством.

Глава 5. Активность! Наша тактика.

[В предыдущей главе](#) мы мимоходом обсудили кое-что из тактики. Некоторые из методов, которые оказались полезными для радикальных либертариев и Движения Либертарных Левых, заключались в том, чтобы вступать в менее радикальные группы и пытаться вызвать расколы, представляя альтернативные варианты борьбы, противостоять принуждению (или уклоняться от него) с ярко выраженным протестом и отказом, вести ежедневную личную агитацию среди друзей, создавать либертарные социальные группы наподобие тусовочных клубов, для обмена информацией и товарами и для взаимопомощи, которые выступали бы в качестве прото-агоры, и, конечно же, издавать публикации, заниматься публичными выступлениями, писать произведения с агорическим смыслом[\[44\]](#), вести просветительскую деятельность в различных формах: в качестве преподавателя, бизнес-консультанта, артиста, историка-ревизиониста, агорического экономиста и т. д.

Успешную тактику можно определить только опытным путём, а затем использовать и передать другим. Тот, кто ощущает обстоятельства времени и места достаточно похожие на обстоятельства, при которых тактика работала, могут ей воспользоваться. Но во всём есть свой риск. В этом и заключается активизм – тип предпринимательства – прогнозирование тенденций рынка и удовлетворение спроса. Можно развить свои способности делать хорошие прогнозы, что и означает быть успешным предпринимателем. Всё это можно найти в «Человеческой деятельности» фон Мизеса.

Для того, чтобы узнать, что было опробовано и что из опробованного работало, а что – нет, необходимы каналы связи. Если вы дошли до этой страницы, согласны со всем написанным, и у вас есть желание поддерживать сопротивление или пламенная потребность сопротивляться принуждению, вы готовы участвовать в Движении или в Альянсе в том виде, в котором они в данный момент существуют, в зависимости от текущего этапа, через который вы проходите ([глава 4](#)). Освободите себя. Становитесь активными.

На каком мы этапе? В октябре 1980 (время первого издания манифеста) большая часть планеты земля находится на [нулевом этапе](#). Британские Острова, Австралия и Канада существенно продвинулись к [первому этапу](#). Северная Америка на [первом этапе](#). Только в местах

высокой концентрации либертарицев, в Южной Калифорнии, есть признаки **второго этапа**. Если предположить, что ситуация не повернётся вспять, первые ростки настоящих агорических обществ – анархопоселения – становятся ядрами устойчивого сообщества.

Движение Либертарных Левых существует только в Калифорнии с несколькими разрозненными ядрами, деятелями и ячейками, в Альянсе. Новый Либертарный Альянс, провозглашённый ранее, оказался преждевременным и НЛА останется зародышем (или ядром) до тех пор, пока не возникнут объективные условия для его выживания.

ДЛЛ подготовило для него работу. С внешней стороны, крах так называемых «левых» по всему миру[45] ослабил сдерживающие факторы для соперничающих сегментов государства, которые стремятся к войне, чтобы в очередной раз охмурить своих упрямых жертв патриотизмом. Возможность занять опустевшее место лидера антиимпериалистического и антивоенного движения, имея свежую и оздоровляющую идеологическую основу, даёт либертариям благоприятный шанс *стать* левыми. ДЛЛ придётся сражаться с партократическими и моноцентристскими элементами за это высокое положение[46].

Колебания американской плутократии между гранью пропасти, за которой инфляция выходит из-под контроля, и экономическим спадом, ведущим к депрессии, каждый раз со всё более неистовым размахом, вызывают панику у огромного числа самодовольных бизнесменов и повышают их самосознание до того предела, за которым традиционные заверения о восстановлении стабильности их больше не удовлетворяют, и они готовы рассмотреть более радикальные и даже революционные альтернативы. Только *либертарные* левые смогут склонить этих предпринимателей к «идеологической», а не прагматической позиции. Здесь у нас немало возможностей.

С внутренней стороны, «Либертарная» партия достигла кризиса во время выборов президента США в 1980 году. Своевременное разоблачение этатизма, присущего партократии наглому оппортунизму Крэйна-Кларка, породило не только оппозицию слева, но и *правую* и *центристскую* оппозицию[47]. Количество крупных случаев дезертирства растёт с каждым днём[48].

Неспособность некоторых реформистских элементов свергнуть Осьмикоха на съезде в Денвере (в августе 1981-го) вместе с бездействием остальных, не столь радикальных членов, может резко отбросить назад Либертарную партию Соединённых Штатов и побудить тысячи разочарованных новобранцев к участию в Движении Либертарных Левых и

прочей антипартийной, просветительской и контрэкономической активности.

С этим манифестом как с руководством к действию и вдохновляющей идеей, новые либертарные стратеги и тактики смогут найти, разработать, подправить и ввести в действие новую либертарную стратегию и тактику, подходящую для сложившихся условий. Потребуется много работы, но у проектов будут результаты, которые не сможет дать никакая обыденная работа: политике, налогообложению, призыву на военную службу, экономическим катастрофам, вынужденной бедности и массовым убийствам на военных бойнях придёт конец в самой последней войне – войне общества против нашего врага, государства.

Контрэкономика немедленно награждает тех, кто отказывается от оков этатизма. Либертарианство же вознаградит практика, который ему последует, бóльшим самоосвобождением и лучшей самореализацией по сравнению с любыми альтернативами. Но только новое либертарианство предлагает преобразование общества в нравственный, работающий жизненный путь не меняя природу человека. Утопии можно отбросить; у нас есть, по крайней мере, некоторое представление о том, как изменить общество, чтобы оно подходило человеку, а не менять человека, чтобы он подошёл к некоему обществу. Можно ли предложить задачу, дающую большее удовлетворение?

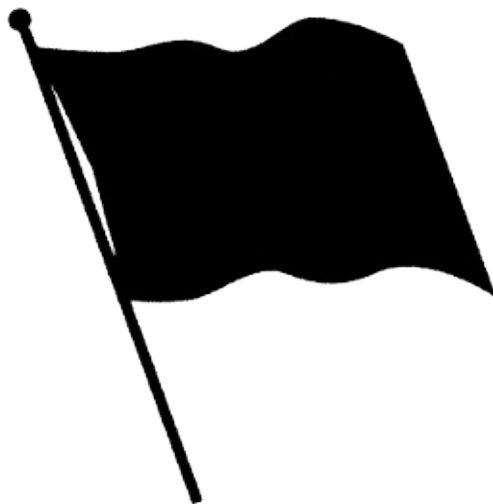
Если вы выбрали путь нового либертария, то, возможно, вы пожелаете присоединиться к нам с нашим воинственным кличем «трёх А», или чем-то подобным, чтобы постоянно вдохновлять себя им:

«Мы выступаем свидетелями той силы, которую даёт свобода, и восхищаемся замысловатой красотой многосложного добровольного обмена. Мы требуем права *каждого* Я достичь своей высшей точки без каких-либо ограничений за исключением другого Я. Мы провозглашаем век свободного рынка, естественного и должного состояния человечества, благосостояние в изобилии, амбиции без конца и предела, и самоопределение целей для всех – *Агору*.

Мы выступаем против всех, кому необходимо связать нас, чтобы обосновать правоту своего дела. Опровергая доказательства нашей агрессии, мы разбиваем наши оковы. Мы привлекаем к ответственности всех, кто совершил агрессию против кого бы то ни было, когда бы то ни было. Мы восстанавливаем для всех, кто пострадал от угнетения,

справедливые условия. Мы навсегда изгоняем из наших умов и из нашего общества монстра всех времён, псевдолегитимную монополию на принуждение, покровителя агрессоров и противника справедливости. Мы разрушаем государство – *Анархией*.

Мы направляем нашу волю к нашим личным пределам, ограниченным только последовательной этикой. Мы боремся против антипринципов, которые иссушили бы нашу волю и ведём сражение со всем, что угрожает нашему существованию. Мы не будем отдыхать и тратить наши силы впустую, пока государство не будет разбито, и человечество не достигнет своего агорического дома. Горя неослабевающим стремлением к справедливости – теперь, и к свободе – всегда, мы побеждаем – *Активностью!*»

Сэмюэль Эдвард Конкин Третий
12 октября 1980
Анархопоселение (Лонг Бич)

notes

Примечания

[1]

Этой догадкой я обязан Роберту Лефевру, хотя мы и приходим в итоге к разным выводам.

[2]

Спасибо Альберту Дж. Ноку за эту фразу.

[3]

Современное либертарианство лучше всего описано в работе Мюррея Ротбарда «К новой свободе», которая, каким бы новым ни было издание, всегда выглядит несколько устаревшей. Изучать либертарианство по одной книге – это всё равно что рассказывать обо всех видах музыки на примере одной песни.

[4]

Спасибо Людвигу фон Мизесу.

[5]

Радикальный Либертарный Альянс (Radical Libertarian Alliance), 1968–71 гг.

[6]

Студенческое Движение Либертарного Действия (Student Libertarian Action Movement), 1968–72 г., впоследствии возродилось в качестве предшественника Движения Либертарных Левых.

[7]

Граждане за Преобразованную Республику (Citizens for a Restructured Republic), 1972 г.; составлено членами Радикального Либертарного Альянса, разочаровавшимися в революции.

[8]

Общество за Индивидуальную Свободу, 1969–89 г. (сейчас объединилось с Либертарным Интернационалом в Международное Общество за Индивидуальную Свободу – International Society for Individual Liberty). Также Рэмпарт Колледж (сейчас не действует), Фонд Экономического Образования (Foundation for Economic Education) и Институт Свободного Предпринимательства (Free Enterprise Institute), которые существовали ещё до взрывного роста либертарной популяции в 1969 году.

[9]

Главным образом, Калифорнийский Либертарный Альянс, 1969–73 г.

Название до сих пор используется при проведении конференций, а также в Великобритании.

[10]

Первая «Либертарная» партия была основана Габриэлем Агиларом и Эдом Батлером в Калифорнии в 1970 г. и служила лишь прикрытием, чтобы получить доступ к СМИ (Агилар, будучи галамбошианцем, был стойким противником политики). Даже нолановская «Либертарная» партия была пренебрежительно высмеяна Мюрреем Ротбардом в первый же год её существования.

[11]

«Либертарная» партия, которая временами была представлена по всей стране и в 1972 г. выдвинула кандидатуры Джона Хосперса и Тони Натана на посты президента и вице-президента, была основана Дэвидом и Сьюзен Ноланами в декабре 1971 г. в Колорадо. Дэйв Нолан был массачусетским членом МАС (Молодёжь Америки за Свободу – Young Americans for Freedom), который покинул МАС в 1967 г. и пропустил кризис 1969 г. в Сент-Луисе. Он оставался консерватором и минархистом к моменту выхода первого издания этой книги.

Хотя Ноланы, как и прочие ранние организации и кандидаты, были в общем-то безвредны, дебаты о «партийном вопросе» начались немедленно. *New Libertarian Notes* весной 1972 г. выступил против концепции «Либертарной» партии, что послужило началом дискуссии между Ноланом и Конкиным прямо накануне выборов (*NLN* 15).

К президентской кампании 1980 г. лидерство в «Либертарной» партии перешло от Ноланов к Эду Крейну и его кандидату Эду Кларку, которые проводили мощную, обильно финансируемую традиционную избирательную кампанию.

[12]

Чарльз Г. Кох – нефтяной миллиардер из Уичито – с помощью своих связей, фондов, институтов и центров с 1976 по 1979 гг. купил, создал или «вошёл в долю» в следующем: Мюррей Ротбард и его *Libertarian Forum*; *Libertarian Review* (у Роберта Кефарта) редактируемое Роем А. Чайлдзом; Студенты за Либертарное Общество (*Students for a Libertarian Society*) основанные Милтоном Мюллером; симпатизирующий Ротбарду Центр Либертарных Исследований (*Center for Libertarian Studies*) и Джо Педен; *Inquiry* под редакцией Вильямсона Эверса; Иститут Като; и прочие фонды, организации и институты Коха. В совокупности названные «Осьмикохом» (*Kochtopus*) в первом номере *New Libertarian* (февраль 1978 г.), они впервые подверглись нападкам в печати со стороны Эдит Эфрон в консервативно-

либертарном издании *Reason*, одновременно с нападками на «анархический» заговор. Движение Либертарных Левых отмежевалось от антианархического бреда Эфрон, но поспешило поддержать её критику растущего *моноцентризма* в движении.

В 1979 г. на съезде в Лос-Анджелесе Осьмикох захватил контроль над «Либертарной» партией (ЛП). Дэвид Кох, брат Чарльза, в открытую заплатил полмиллиона долларов, чтобы стать кандидатом в вице-президенты.

[13]

Мюррей Ротбард порвал с Осьмикохом вскоре после съезда ЛП в 1979-м, и большинство его союзников были вычищены, как Вильямсон Эверс из *Inquiry*. Центр Либертарных Исследований был снят с финансирования фондом Коха. *Libertarian Forum* начал атаковать Коха. Ротбард и молодой Джастин Рэймондо создали новую «радикальную» фракцию Либертарной Партии (первая была пущена в ход основателями Нового Либертарного Альянса (НЛА) в 1972–74 гг. с целью привлечения новых участников и для разрушения партии изнутри).

Тем временем Ротбард выступил с вопросом «Сэм Конкин прав?» в своей речи в июле 1980 г. на ужине Радикальной фракции в округе Ориндж, стратегией Радикальной фракции объявлено реформирование Либертарной партии с использованием тактик «новых левых» и нео-марксистов.

[14]

Я надеюсь, будущие издания смогут опустить это примечание, но в настоящем историческом контексте является жизненно важным показать, что либертарианство предназначено не только для самых «продвинутых» или просвещённых элементов в Северной Америке, возможно типичным представителем которых является молодой, белый, много читающий компьютерный консультант, равно как феминистка (и половина детей). Только самый свободный рынок может спасти «второй» и «третий» миры от тяжёлой бедности и разрушительных стереотипов. Принудительные попытки поднять стандарты производства и соответствующее культурное понимание вызывают обратную реакцию и регресс: примером этому могут служить Иран и Афганистан. В основном, государство заинтересовано в хорошо обдуманном подавлении человеческих усилий по улучшению своего положения.

Квази-свободные рынки, такие как свободные порты Гонг-Конга, Сингапура и, в прошлом, Шанхая, притягивали потоки вертикально-мобильных предпринимателей с высоким уровнем мотивации. Невероятно хорошо развитый чёрный рынок Бирмы уже имеет целостную экономику и

нужается только в либертарном осознании, чтобы выгнать Не Вина с армией, усилить торговлю и быстро ликвидировать бедность.

Сходные наблюдения возможны для относительно развитых чёрных рынков и разрешённых полу-свободных рынков во «втором мире» советской оккупации (в таких странах как Армения, Грузия), и для русской контрэкономики («[продажа] налево»).

Примечание ко второму изданию: К сожалению, это примечание всё ещё необходимо.

Примечание к третьему изданию: С коллапсом коммунизма, возможно, необходимость уменьшилась, но оно всё ещё здесь!

[15]

Отметим самое заметное до настоящего времени:

- Мюррей Ротбард может использовать любую свежую политическую стратегию в дополнение к либертарианству, обращаясь к ещё более радикальным, когда очередные попытки терпят неудачу.

- Роберт Лефевр выступает за чистоту мыслей и дел каждого индивида, что автор и многие другие люди находят вдохновляющим. Но он уклоняется от описания полной стратегии, получающейся из этих персональных тактик, частично по причине опасений, что *описание* может быть воспринято как *предписание*. У автора нет такого рода опасений. Лефевровский пацифизм также несколько уменьшает привлекательность его либертарной тактики, – возможно даже сильнее, чем она того заслуживает.

- Эндрю Дж. Галамбош выступает за чёткую контрэкономическую позицию (см. следующую главу), но он определённо мешает привлечению новых людей своей позицией против широкого движения и тактикой «тайного общества». Его «основной принцип», уклонизм, как и лефевровский пацифизм, возможно, также неоправдано сильно уменьшает поддержку его теории.

- «Как я нашёл свободу в несвободном мире» (How I Found Freedom In An Unfree World) Гарри Брауна представляет собой весьма популярное руководство по персональному освобождению. Находясь под влиянием Ротбарда, Лефевра и Галамбоша, Браун вполне правильно, на первый взгляд, описывает действующую тактику выживания и процветания индивида в государственных обществе. Он не предлагает всеобъемлющей стратегии, и его техники растворятся в продвинутой контрэкономической системе при приближении свободного общества.

- Уклонение без конкретных представителей, но широко соединённое с помощью *Libertarian Connection* является идеей достижения свободы путём

охвата государства с фланга с помощью технологии. Она внешне выглядит вполне обоснованной, ввиду недавнего решения правительства Соединённых Штатов не регулировать стремительно растущую информационную индустрию. Но она не учитывает изобретательности тех, кто хочет сохранять этатизм как можно дольше.

[16]

Когда наше понимание растёт, теоретически мы можем достигать более свободного общества.

[17]

«Великий взрыв» (The Great Explosion) писателя-фантаста Эрика Фрэнка Рассела описывает общество, близкое к тому, которое представлял себе Лефевр. Пацифисты Гэнда имели коррекционный механизм для изредка отклоняющихся от нормы индивидуумов – таких как «Джек-бездельник». К сожалению, из-за осторожности может быть упущен момент, когда агрессоры достигнут «критической массы» и сформируют устойчивое, самоподдерживающееся сообщество. Что они в этом случае смогут сделать очевидно – они делают это!

[18]

Позиция Мизеса-Ротбарда заключается в том, что мошенничество и отказ от выполнения договора (последнее может быть предусмотрено пунктами договора, конечно) являются кражей, кражей *будущих* благ. Основой договора является обмен имеющихся благ (здесь и сейчас) на будущие (там и потом).

Любая кража является инициацией насилия. Сила используется для отъёма собственности против желания или для того, чтобы помешать получению благ или платы за блага, добровольно переданные по соглашению.

[19]

Общество, с точки зрения Мизеса, существует по причине выгоды разделения труда. Специализируясь в отдельных шагах производства, индивидуумы находят, что вместе могут произвести больше богатств, чем по отдельности.

[20]

Здесь необходимо ввести мизесовскую концепцию *временного предпочтения*. Будущие блага всегда дисконтируются [ценятся меньше] относительно настоящих благ в связи с потерей *времени использования*. Пока индивидуальные оценки временного предпочтения различаются, те, у кого оно велико, могут одалживать блага под процент у тех, у кого оно меньше, так как высоко-предпочитающие могут платить низко-

предпочитающим больше, чем ценность, упускаемая ими. Точка, где все эти сделки относительно временного предпочтения успешно проходят на свободном рынке, определяет базовую или *исходную ставку процента* для всех займов и капиталовложений.

[21]

Мюррей Ротбард занимает здесь самую сдержанную позицию: он выступает за двойное возмещение; то есть агрессор должен не только вернуть жертву в прежнее нетронутое состояние (насколько это возможно), но и должен сам стать жертвой в соразмерном объёме! Это удвоение не только выглядит произволом, Ротбард также нигде не предусматривает моральной основы для наказания, допуская, кроме того, «моральное исчисление» (в духе Бентама).

Другие требуют куда большего ограбления пойманного агрессора, делая его, вероятно, самым большим дураком, которому не повезло допустить ошибку, и который обязательно вернётся на правильный путь и предпочтёт договориться с жертвой любовно. Многие неорэндисты запросто застрелили бы ребёнка за кражу конфеты (Гари Гринберг, например); другие приковали бы подростков к их постелям для защиты своей собственности от мелких «посягательств».

И это ещё просто лёгкое прикосновение ужаса. Гораздо большее искажение справедливости допускается не теми, кто хочет возместить ущерб или даже немного наказать инициатора насилия, а теми, кто хочет его перевоспитать. Хотя некоторые более просвещённые сторонники перевоспитания и допускают параллельное возмещение ущерба, они закливаются на делегировании права жертвы на самозащиту (основы всей правовой деятельности) с целью заключения беззащитного пойманного агрессора в тюрьму и промывания ему мозгов.

Не считая наказания личности, истязания тела, и, возможно, даже вызывания некоторого сожаления после жестоких физических пыток, перевоспитатели хотят добиться разрушения системы ценностей и мотивации, то есть уничтожения Эго. В более образных, но хорошо подходящих терминах, они хотят *поглотить душу* пойманного агрессора!

[22]

Если бы телепатия была открыта и практически применима, она могла бы быть применима для исследования мотивов и намерений; однако в агорическом обществе её применение привело бы лишь к сожалению о чрезмерных затратах, понесённых жертвой. Это примечание также применимо к следующему абзацу, поэтому ссылка на него встречается в тексте дважды.

[23]

Хороший вопрос состоит в том, в каких случаях «наказание» всё же может возыметь силу? Концепция применима только к рабам, которым ничего терять кроме возможности уменьшить страдания, к совершенно ни на что ни годным людям (если такие существуют), и к очень маленьким детям, которые не способны платить за восстановление и заведомо не могут взять на себя долговые обязательства.

Конечно, примитивная экономика обычно имеет значительно больше проблем с рациональностью и технологиями, которые обеспечили бы возможность определения платёжеспособности и точного измерения ценности. Однако, некоторые примитивные общества, такие как ирландское, исландское и игбо ввели системы денежного возмещения для улучшения возмездия – и быстро развились в квазианархические.

[24]

«Микро» и «макро» – это термины из современной экономики истеблишмента. Поскольку контрэкономика является частью агоризма (до тех пор, пока государство не исчезнет), агоризм включает и контрээкономику на практике, и либертарианство в теории. Поскольку эта теория содержит информацию о последствиях крупномасштабного применения контрээкономики на практике, я буду говорить «агорический» в «макро»-смысле и «контрээкономический» в «микро»-смысле. Но так как граница не может быть проведена однозначно, некоторое перекрытие и взаимозаменяемость всё же будут присутствовать.

[25]

Термин «контрээкономика» был образован по аналогии с «контркультурой»; он не означает антиэкономическую науку, так же как контркультура не означает антикультуру.

[26]

Этот том, «Контрээкономика» (книга), был начат, находится в процессе и, волей рынка, скоро будет закончен.

Примечание к четвёртому изданию: SEK3 умер не успев закончить свой *tagnit opus*, но KoPubCo готовит сохранившуюся рукопись того, что он успел сделать, для публикации в ближайшем будущем.

[27]

Этот класс называется правящим классом, правящей элитой или закулисой, в зависимости от того исходит ли анализ от марксиста, либерала или конспиролога. В дальнейшем термины будут использоваться как синонимы, чтобы показать общность идентификации.

[28]

Хотя на некоторые агрессивные действия, такие как убийства и грабежи, часто тоже клеят ярлык «чёрного рынка», подавляющее большинство чёрно-рыночной «организованной преступности» с либертарной точки зрения является совершенно легитимной, несмотря на возможную небезопасность. Мафия же, например, является не частью чёрного рынка, а *правительством* над чёрным рынком, которое принудительно собирает деньги за защиту со своих жертв (налоги), устанавливает свой контроль с казнями и избиениями (юридическое принуждение) и часто начинает войны, когда его монопольному положению что-то угрожает. Эти действия мы будем рассматривать как *красный рынок*, чтобы отличать их от порядочных действий чёрного рынка, которые будем обсуждать ниже. Коротко, «чёрный рынок» составляет всё ненасильственное, что запрещено государством но, тем не менее, происходит.

«Серым рынком» здесь обозначается предоставление товаров и услуг, которые сами по себе не являются незаконными, но получаются или распространяются вопреки законодательным ограничениям. Большая часть так называемых «беловоротничковых преступлений» подпадает под эту категорию и вызывает лишь улыбку большей части общества.

Где провести границу между чёрным и серым рынками зависит больше от общественного мнения. Красный рынок же легко отделим: убийство – это красный рынок. Когда государство запрещает самозащиту, защита себя от преступников – включая полицейских – это чёрный рынок в Нью-Йорке и серый в округе Ориндж, Калифорния.

[29]

Таким образом «Либертарная» партия увековечит этатизм. Кроме того, «Либертарная» партия сохранит нечестные доходы правящего класса и будет поддерживать государственные механизмы принуждения и наказания.

[30]

Спасибо Айн Рэнд за эту фразу.

[31]

Хотя эта тема хорошо описана в либертарной литературе, многие всё ещё не знают об истинной природе и механизме инфляции.

Если говорить очень коротко, общий рост цен является лишь последствием инфляции, которая является увеличением денежной массы. Гораздо более вредным являются перераспределение богатства и его побочные эффекты, которые разрушают экономику. Государство «создаёт» деньги, которые распределяются первому ряду его бенефициаров –

крупным банкирам, в качестве платы военным и «социальным» подрядчикам, а также гражданским служащим – второму ряду бенефициаров. Как только они поднимают цены своей возросшей покупательной способностью, остальные обнаруживают, что уже не могут купить столько же, сколько раньше.

Непредвиденный рост цен (упреждающая инфляция дисконтируется рынком) сигнализирует предпринимателям, что необходимо инвестировать в капитальные блага для удовлетворения возросшего спроса. Так как потребление уменьшается из-за уменьшения общей покупательной способности, эти предприниматели обнаруживают, что инвестиции были излишними и вынуждены торговать в убыток, сокращать рабочие места, ликвидировать капитал – результатом всего этого становится депрессия. Толпа безработных работников и близких к банкротству капиталистов в такой ситуации часто убеждает государство снова увеличивать денежную массу, чтобы «стимулировать» экономику – то есть, чтобы создать ещё один иллюзорный бум.

К сожалению, эта новая инфляционная инъекция должна быть опережающей, чтобы работать; следовательно, должна получиться ещё бóльшая инфляция. Цикл, если он продолжается, может привести к неконтролируемой инфляции (Германия в 1923 г. является классическим примером) и обрушению валюты («ажиотажный спрос», как называл это Мизес).

Как утверждают свободно-рыночные экономисты, побуждение государства «проглотить горькую пилюлю» депрессии (как наркоман может предпочесть перетерпеть «ломку» из-за опасения передозировки) может свести на нет эффект от денежной инъекции и вылечить систему. Как можно видеть, это глубоко консервативная позиция поддержки этатизма.

Гораздо лучшим решением будет отказ от государственных фиатных денег в пользу неинфляционных средств обмена, таких как золото, серебро, товары или даже просто более твёрдые иностранные валюты, в случае, если обвал вынуждает торопиться.

[32]

Пример того, как это работает, может быть полезен. Предположим, я решил получать и продавать контрабанду, уклоняться от налогов, или обходить регулирование. Скажем, я могу получить сто тысяч долларов долларов за сделку.

Используя правительственные цифры по раскрытию преступлений (всегда преувеличивающие способности государства, просто потому, что они не могут *знать* как много раз мы их провели), я нахожу частоту

раскрытий в 20%. Также можно найти процент случаев, доведённых до суда и процент тех, которые закончились обвинительным приговором даже с хорошим адвокатом. Скажем, 25% попали в суд и 50% из них закончились осуждением (последняя цифра велика, но, с учётом издержек, часто и оправдательный приговор приносит фактические потери). Таким образом, я принимаю 2,5% риск ($0,20 \times 0,25 \times 0,50 = 0,025$). Это много для большинства реальных случаев.

Предположим, что максимальный штраф составит пятьсот тысяч долларов или пять лет в тюрьме – или и то, и другое одновременно. Исключая мои контрэкономические сделки (нельзя их включать в расчёты при принятии решения о том, нужно ли их совершать), я могу получить двадцать тысяч долларов в год, то есть за пять лет я потеряю ещё сто тысяч. Очень сложно вычислить стоимость пятилетнего заключения, но, по крайней мере, в нашем текущем обществе это не слишком сильно хуже других институализаций (школы, армии, больницы), а контрэкономист точно не будет страдать от чувства вины и угрызений совести.

Итак, я взвешиваю 2,5% от шестисот тысяч долларов убытков (пятнадцать тысяч долларов) и пять лет против ста тысяч долларов дохода! И я к тому же могу просто застраховать себя за четырнадцать тысяч долларов (или меньше) для возмещения расходов и уплаты всех штрафов! Короче говоря, это работает.

[33]

Вероятно, должно быть явно отмечено, что контрэкономический бизнес может вырасти достаточно большим. Вопрос могут ли «наёмные рабочие» заменить «независимых подрядчиков» на всех этапах производства является спорным, но автор полагает, что сама концепция «рабочий – хозяин» проистекает из феодализма и не является, как утверждает Маркс, фундаментальной для «капитализма». Конечно, капитал-этатизм противоположен тому, к чему стремятся либертарики.

Кроме того, даже крупные бизнесмены сегодня могут стать частичными контрэкономистами, оставив на «белом рынке» часть, которая удовлетворит правительственных агентов, выплачивая лишь толику налогов и сообщая заниженное число работников. Опорой бизнеса может быть (и часто является уже сейчас) расширение штата за счёт независимых подрядчиков, которые поставляют, обслуживают и распространяют готовую продукцию. Никто – ни бизнесмены, ни работники, ни предприниматели – не нуждаются в делопроизводстве на белом рынке.

[34]

Многие агористы, такие как Пиро Эгон, спорили по этому поводу с

новыми либертариями. Они утверждали, что манифест уже представляет собой целостную программу и любой дальнейший «активизм» является «движением ради движения» и будет вести обратно к этатизму.

[35]

New Libertarian Strategy также является названием бюллетеня Движения Либертарных Левых – не случайно.

[36]

Но не «корпорация», которая является фиктивным «лицом» созданным государством и обеспеченным привилегиями. Некоторые привилегии помимо субсидий и пошлин включают в себя специальные налоговые ставки, ограниченную ответственность, освобождение от регулирования и узаконенное преимущество в судебных спорах. Да, они имеют и некоторые преграды, но не сравнимые с таковыми для неинкорпорированного бизнеса на белом рынке.

[37]

Первый Новый Либертарный Альянс был сформирован (во многом, преждевременно) автором в 1974 г. из участников, собравшихся во время рейда на «Либертарную» партию, из других активистов движения и некоторых контрэкономистов. Рынок оказался не вполне готов для роста этого бизнеса и поэтому НЛА до настоящего момента тратил бо́льшую часть сил на строительство этого рынка.

Любая группа новых либертариетов может называть себя новым либертарным альянсом без «официальной санкции»; большинство, конечно, захочет координировать себя с другими группами НЛА и попытаться выработать общую стратегию, хотя тактика может различаться в соответствии с различными условиями, в которых находятся союзники.

[38]

Этот метод организации НЛА хорошо работал в ячейке города Лонг Бич, которая практически всегда ему следовала. Региональные стратегии не полностью «утрастились» на практике, но не было другой группы НЛА, объединявшей большое число союзников, которые постоянно разрабатывали бы такую теорию и следовали ей.

Что касается армий, нужно отметить, что Нестор Махно образовал армию в чисто анархической манере с маленьким ядром офицеров и полностью добровольным участием, принятием званий в соответствии с необходимостью или уверенностью в такой необходимости. Он успешно воевал с белыми и красными на Украине в 1918–20 гг. вплоть до разгрома превосходящими силами победивших красных этатистов, собравших против него ресурсы всего континента.

[39]

Никакие формы фиксированного членства или делегирования мандатов не являются необходимыми или желательными для НЛА. Конечно, кто-то может составить список тех людей, с кем он работает и осуществляет совместное планирование, и список адресов для связи по почте. Но в этих списках нет совершенно ничего сакрального или особенного. Они являются просто ещё одним возможным стратегическим или тактическим решением.

Никто не может быть изгнан из НЛА. Каждый человек либо является новым либертарием, либо нет – в зависимости от характера своих действий. Каждый другой союзник должен сам решать это для себя. Все, кто признаёт вас новым либертарием, находятся с вами в альянсе; те, кто не признаёт, – не находятся, даже если вы при этом и находитесь в альянсе с кем-то ещё.

[40]

Преждевременное появление агористских сообществ приведёт к их насильственному подавлению государством. НЛА должен защищать тех, кто может быть спасён, когда исторические условия находятся в пограничном состоянии, а также предупреждать и эвакуировать тех, кто обречён.

[41]

Вполне допустимо новой либертарной этикой указывать одной фракции «высших кругов», что существование агористов приносит им больше пользы, чем другой фракции. Конечно, ни один этатист не может быть задействован для грабежа или убийства, и даже союз с одним этатистом против другого уничтожает редкие ресурсы и приводит только к усилению притесняющих. Однако новые либертарии могут осознавать, что просто своим существованием и обычными делами агорическая активность относительно больше вредит одной группе этатистов, чем другой.

Хорошее правило, указывающее тактику обыгрывания правящих групп, состоит в том, чтобы не отдавать им больше ресурсов, чем несколько дополнительных предложений в обычной публикации, освещение в прессе наиболее важных действий... и частные беседы, если кто-то часто возвращается в *этих* кругах.

Эта тактика не сработает, если агорическое общество будет восприниматься слишком угрожающе; в таких случаях все этатистские группировки объединяются, чтобы спасти свою шкуру.

[42]

Скажем, один регион очень агоричен и менее защищён. Государство

может направить ресурсы для разрушения этой незрелой и локализованной (а значит уязвимой) агоры. Это особенно относится ко второй фазе.

[43]

Кто-то может возразить, что государство может быть разрушено мирно, если этактисты увидят приближение конца. Если бы этактисты были так разумны относительно отказа от применения силы в пользу рыночных альтернатив, то *они бы не были этактистами*. Революция настолько же неотвратима, насколько вообще неотвратимой может быть человеческая деятельность.

[44]

Например, «Ночь скоро придёт» (Alongside Nigth) Дж. Нила Шульмана (Crown, 1979; Ace, 1982, Avon, 1987; SoftServ, 1990; Pulless, 1999 [также Pulplless, 2009 – см. alongsidenight.net; перевод на русский в процессе – прим. к русскому изданию]) и его ожидаемые продолжения.

[45]

Левые изначально были прото-либертариями, как показывают историки-ревизионисты, такие как Леонард Лиггио. Во французской Ассамблее сторонник свободного рынка Фредерик Бастиа сидел рядом с анархистом Пьером-Жозефом Прудоном. Даже сейчас марксисты называют анархистов «ультралевыми» элементами. В Первом Интернационале либертарии и марксисты составляли примерно равные части. Марксисты и их продажные имитаторы доминировали с 1890-х, пока окончательно не утратили доверие к себе с закатом новых левых, вторжением СССР в Чехословакию и Афганистан и Китая во Вьетнам – «невозможной» войной между двумя марксистскими государствами.

[46]

Сейчас это «Радикальная» фракция «Либертарной» партии и Студенты за Либертарное Общество соответственно.

[47]

«Правые» современного либертарианства достаточно принципиальны, но некоторые из их принципов пересекаются с антипринципами: градуализмом, консерватизмом, реформизмом и минархизмом. Журнал *Reason* и бюллетень *Frontlines* – их главные органы. «Центристы» включают Мюррея Ротбарда и его последователей, сейчас организованных в «Радикальную» Фракцию ЛП, которые поддерживают Кларка «критически» т. е. внешне, но не внутренне. Ротбардианские центристы сдвинулись влево, отказавшись от моноцентризма.

[48]

Мюррей Ротбард, как отмечалось; председатель партийного совета

Южной Калифорнии Дайенн Петерсен; другие информировали автора о том, что их постоянное перебежничество должно стать более «продажным». Оно станет.

Примечание ко второму изданию: Оно стало.

С тех пор месяц от месяца постоянный приток перебежчиков из ЛП прибавляет вес Движению Либертарных Левых. По меньшей мере одна новая леволибертарная группа, волонтаристы, возникла целиком из бывших партийных. А Мюррей Ротбард организует в настоящее время отчаянную борьбу за контроль над партией против остатков Осьмикоха на конференции по выдвижению президента от ЛП, запланированной на сентябрь 1983 в Нью-Йорке.

Примечание к третьему изданию: этот процесс происходит и по сей день. ЛП продолжает завлекать юных идеалистичных радикалов, высасывать их энтузиазм, лишать их иллюзий и либо вгонять их в пессимистичную апатию, либо доставлять их – радикализованных и подталкиваемых к действию своей неудовлетворённостью – прямо в распростёртые объятия агоризма.